

Анатолий Дубровный

Рыжая некромантка

Пролог

Кони поднятой по тревоге корты, приданной особой команде Иртувеля, шли рысью почти сутки. Подобный темп похода обеспечивала магическая подпитка, бедные животные будут совсем истощены, после такого похода им потом потребуется длительный отдых, но сейчас надо было спешить. Старший инспектор комиссии по борьбе с незаконной магией Иртувель почувствовал творимое чёрное колдовство, сопровождаемое многими человеческими смертями. Губернатор провинции, понимая опасность творимого, вместе с командой Иртувеля послал конную корту, а это триста всадников! Люди, как и кони, находились под воздействием магической подпитки, вполне возможно, с марша придётся вступить в бой и отдыхать будет некогда. Расстояние в триста алл было пройдено за сутки, и на рассвете маги Иртувеля и корта сэра Муура вышли к деревне, вернее к тому, что от деревни осталось. На месте крестьянских изб и храма Ирхи дымились пепелища.

— Сгорело всё, оно и понятно — рядом лес.

Он хоть и проклятый, но древесина там хорошая, вполне пригодная для строительства, — произнёс сэр Муур, с грустью оглядывая то, что осталось от жилищ людей, у него была надежда дать отдых людям и лошадям в деревне, да и продуктами и фуражом разжиться здесь же, но... Ещё раз оглядев сожженное селение, сэр Муур спросил у Иртувеля:

— Что скажете, ваша ясноликость?

— А вы? Как воин, что предположили бы? — ответил вопросом на вопрос один из команды инспектора комиссии по борьбе с незаконной магией. Его помощник, как и сам Иртувель, был эльфом — магом жизни. Рыцарь на несколько мгновений задумался, потом ответил:

— Думаю, было нападение, жители деревни, его предвидя, наняли отряд воинов. Все защитники погибли в неравной схватке, а жителей угнали в рабство, понятно, что это сделали утуранцы. Хотя... Мимо наших застав им пройти незамеченными не удалось бы. Как они смогли пройти через проклятый лес? А ведь отряд должен был быть не маленький! Похоже, магия. Только так можно пройти через... Когда-то король Утурании решил ударить с тыла по защитникам благословенной Саланы и послал пусть не армию, но очень сильный отряд через проклятый лес. Большинство там были орки, но были и люди. Это я к чему? Кроме магов там были и орочи шаманы.

Этот отряд вошёл в лес и больше о нём никто ничего не слышал. Исчезли! На опушке проклятый лес — обычный лес. Можно собирать грибы-ягоды, рубить деревья. Но идти в чащу... Иногда оттуда вылезают такие твари! Да и ходить в этот лес лучше с оберегом. Местные жители так и делают. А почему бы и нет? Грибы и ягоды тут больше обычных, древесина крепче, а травницы собирают целебные растения, каких нет в других лесах.

Эльф кивнул, это всё он знал и раньше. Проклятым этот лес назывался из-за магического фона, способствовавшего появлению чудовищной нежити, но это было в глубине леса (хотя, как говорил сэр Муур, чудовища появлялись и на опушке, нападая на людей, только защитные круги вокруг деревень и спасали). Кивнув, Иртувель задумчиво произнёс:

— Такой всплеск магии мы почувствовали бы раньше — когда этот, как вы говорите, отряд ещё бы только шёл через проклятый лес, но ощутили мощный выброс только тогда, когда здесь творилось чёрное колдовство. Кто-то применил заклинания некромантии очень большой силы! Обратите внимание на убитых, вам они никого не напоминают?

В этот момент один из солдат корты сэра Муура перевернул убитого воина. Командир корты понял, что казалось ему странным в этих трупах,

сэр Муур, скорее утверждая, чем спрашивая, сказал:

— Зомби? И, похоже, уже упокоенные. Совсем свежие, непонятно, зачем было поднимать, чтоб сразу и упокоить? Или это был самопроизвольный подъём? Но тогда кто или что их убило? И что вызвало подъём такого количества мертвецов?

Иртувель посмотрел на одного из своих помощников, тот соскочил с коня и наклонился над трупом воина, потом перешёл к следующему, затем ещё к одному, делая над ними какие-то манипуляции руками. Закончив, эльф подошёл к рыцарю и магу и доложил, что ему удалось выяснить:

— Огонь, их убил огонь! Но не сжигающий, потому что если ожоги и есть, то очень незначительные, огненным ударом вокруг них сожгли воздух и жгли до тех пор, пока эти несчастные на задохнулись. Потом их подняли и упокоили, а потом снова подняли...

— А потом опять... — почти прошептал рыцарь, — но это же...

— Да, — кивнул головой эльф, — их лишили посмертия. Они не смогут возродиться, мало того, их души отправлены во владения Тофоса.

При этих словах, все, кто слышал это имя, сделали знак, отгоняющий демонов. А сэр Муур с

ужасом произнёс:

— За что же их так? Целую деревню? Кто это сделала? Некромант? Но какой же надо обладать силой, чтоб сотворить подобное колдовство?

В это время к сэру Мууру и Иртувелю подошёл ещё один эльф и показал в сторону особенно большого пепелища, даже не пепелища, а выжженного пятна:

— Вон там был деревенский храм Ирхи, — Иртувель и Муур кивнули, они это поняли и раньше, а эльф, помощник командира магов жизни, продолжал: — Там сгорели все жители деревни. Их туда снесли уже мёртвых и устроили погребальный костёр. Храм только начинал гореть, а дома в деревне уже всюду полыхали, а этот кто-то, а, похоже, он был один — отпечаток ауры единственный, перенёс всех жителей в храм Ирхи и устроил большой погребальный костёр!

Иртувель словно прислушался:

— Да, вы правы, следы ауры очень затёрты, но этот неизвестный был один. Как ему удалось такое совершить, непонятно, ведь здесь всё полыхало, а выносить мёртвых жителей деревни... Ведь многие из них были убиты в своих домах. Именно убиты, причём, жестоко убиты! Я чувствую эманации боли и страха.

— То, что жестоко убиты, вполне подходит нашему предположению о жестоком некрманте,

так безжалостно, изуверски расправившегося с защитниками деревни. С жителями деревни он поступил также, но зачем ему надо было их так хоронить? Огненное погребение — весьма почётно, это удел дворян! — несколько растерянно произнёс сэр Муур. Иртувель кивнул и поёжился:

— Не хотел бы я с ним встретиться один на один и без соответствующих амулетов, такая сила! Убить такое количество людей, да потом сделать столько зомби, да ещё несколько раз!

— Да, — поддержал своего начальника эльф, — сила огромная, тем более что второй раз поднятые почти не восприимчивы к магии, их упокоить ой как трудно!

— Куда он направился? — с беспокойством спросил Иртувель у ещё одного своего подчинённого, только подошедшего. — Не дай Ирха, в обжитые земли!

— Вообще-то как-то странно. Этот некромант ушёл в проклятый лес. Следы отслеживаются до опушки. А потом он словно растворился, но не среди деревьев, до них он не дошёл, а в траве! Следы исчезли, и отпечаток ауры исчез!

— Отпечаток ауры — некроманта? Исчез среди травы? Если это окажется перворождённый... Хотя это в принципе невозможно! — в замешательстве почти воскликнул Иртувель.

— Да нет, — ответил шедший по следам

эльф, — аура именно некроманта, хоть и странная. У меня сложилось такое впечатление, что он шёл и умирал — аура исчезала! Именно исчезала, на окружающих растениях сохранились её отпечатки. А они ясно говорят об её угасании!

Дальнейшие поиски как магические, так и обычные ничего не дали — никаких следов некроманта обнаружить не удалось, не удалось и воссоздать картину произошедшего в деревне. Уже вечером, сидя у костра, внутри защитного круга, сэр Муур попытался понять, что же произошло в этой деревне:

— Что мы имеем? Имеем деревню и хорошо вооружённый отряд. Это не рыцари, но оружие у них соответствует ударным отрядам армии Саланы. Значит, это не просто наёмники, а кто-то посерьёзнее. Как они оказались в этой деревне, далеко от театра военных действий? Допустим, жители деревни узнали о том, что сюда через лес идёт отряд утуранцев...

— Через проклятый лес? — хмыкнул Иртувель. — Это невозможно! Да и если допустить, что такой отряд прорвётся сюда, то до порядков нашей армии на границе не дойдёт, его обнаружат и уничтожат раньше, какой бы он сильный не был.

— Пусть не отряд, маленькая армия. Я говорю — допустим, утуранцы нашли способ пройти через проклятый лес, ведь он расположен и на их

территории. Войдя в него там, можно выйти здесь!

— В ваших рассуждениях несколько неувязок, — возразит Мууру Иртувель, — если это небольшая армия, то того отряда, что здесь погиб, явно недостаточно, чтоб защитить деревню. Да и как бы жители этой деревни узнали о готовившемся нападении? На хвосте сорока бы принесла, или одно из чудовищ проклятого леса выскочило бы с криком «Спасайтесь, идёт несметная армия!». Да это чудовище, и не только оно одно, этой армией с удовольствием полакомилось бы. Да и жители здешних деревень, хотя и не нищие, но не настолько богаты, чтоб нанять такой отряд.

— Да, неувязочка, — согласился рыцарь и спросил: — Но как же тогда объяснить появление здесь такого неслабого отряда? Шестьдесят воинов — это не шутка!

— Согласен, трудно объяснить, — кивнул эльф и спросил в свою очередь: — А как объяснить появление столь сильного некроманта? И его действия здесь?

— Может, проведение ритуала? — сделал предположение один эльфов, подчинённых Иртувеля, его поддержал Муур:

— Точно! Ритуал! А жители деревни наняли отряд, чтоб защититься!

— Я же говорил, — поморщился начальник особой группы, — здешние жители не настолько

богаты, чтоб нанимать такие отряды. Да и против некроманта, скорее, наняли бы мага. И как они могли узнать, что на их деревню имеет какие-то виды некромант? Хотя... Тут есть достаточно сильные знахарки, почти ведьмы. Кто-то из них мог и предупредить, но тогда жители просто ушли бы, сбежали...

— Селянам трудно оставить свои пашни, скорее, понадеялись — авось пронесёт — высказал своё мнение о местных сэр Муур. Иртувель ему возразил:

— Здесь не центральные районы королевства. Здесь опушка проклятого леса и местные жители очень хорошо разбираются в подобных опасностях. Здесь готовы бросить всё, если жизни угрожает опасность. Но, похоже, некромант для жителей этой деревни стал неожиданностью. И, наверное, вы, сэр Муур, правы, некромант готовил какой-то ритуал, но что-то, а может, и кто-то ему помешал, но это были не воины погибшего отряда и не мы. У некроманта было достаточно времени, и, скорее всего, он где-то здесь спрятался, поэтому будем начеку!

Глава 1. Найдёныш

У хорошего хозяина воз не скрипит, слышно только шорох мелких камешков под колёсами да

мерный топот тягловых быков. Звуки сами по себе нейтральные, но приятные для слуха возвращающихся домой с ярмарки. Зур и Сурима молчали, а о чём говорить прожившим вместе уже двадцать лет? Тем более что ярмарка была удачна: с выгодой продали всё, что привезли, и с не меньшей выгодой купили, что хотели. Хозяйство у Зура и Суримы было крепкое, только вот детей Ирха им не дал, а какая семья без детей? Такая семья вообще теряет смысл. Сурима тяжело вздохнула, Зур нахмурился — опять об этом думает! Последнее время баба совсем извелась — по два раза на день в храм Ирхи бегаёт, да вот только без толку. Дорога повернула к опушке проклятого леса, здесь было самое нехорошее место: с одной стороны подступал лес, а с другой лежало непроходимое болото. Зур произвольно сжал амулет, защищающий от нежити и нечисти. Амулет не только защищал, но и предупреждал — если нагреется, то жди нападения. На этот случай у возницы под сиденьем лежал арбалет с зачарованными болтами. Конечно, такое оружие не по чину иметь простому селянину, но кто сказал, что Зур простой? Дорога завернула, огибая подступающие к ней кусты.

— Стой! — закричала Сурима, Зур произвольно натянул поводья, хотя в таком месте останавливаться опасно! Сурима тронула мужа за рукав, показывая в сторону кустов, там, словно

только вышла из чащобы, стояла девочка. Немного смуглая, лет пяти-шести с копной рыжих волос на голове и россыпью веснушек на носу и вокруг него. Стояла, совсем не смущаясь, что голая, и с интересом разглядывала большой воз с такими же большими быками, остановившимися прямо перед ней. Зур схватился за амулет — тот был холодным, но это еще ни о чём не говорило, возможно, это был морок, а хищная нежить или какой другой зверь подкрадывался с другой стороны! Зур зашарил рукой, нащупывая арбалет, а дура-баба спросила:

— Как тебя зовут, девочка?

Зур презрительно хмыкнул — зачем это говорить? И так видно, что это девочка, вот только девочка ли?

— Как твоё имя? — снова спросила Сурима, девочка пожалала плечами. А Зур, уже вытащивший арбалет и чувствующий себя уверенно, прошептал, обращаясь к жене:

— Чего спрашиваешь? У нежити нет имён!

Девочка удивлённо посмотрела на мужчину, видно, услышала что он сказал, посмотрела на направленный на неё арбалет и улыбнулась. словно солнышко выглянуло из-за тучи, такая была эта улыбка. Сурима отвела в сторону арбалет (вот же дура-баба — фыркнул Зур), сказав при этом:

— Ты что? Спятил старый? Разве нежить улыбается?

Несмотря на возможную опасность, Зур почесал в затылке — действительно, нежить не улыбается, скалится — это да, но не улыбается! А Сурина снова спросила:

— Как твоё имя?

Девочка не ответила, только пожала плечами.

Женщина задала следующие вопросы:

— Как ты сюда попала? Ты чья?

Девочка снова пожала плечами, на это раз ответив:

— Не знаю.

Девочка снова улыбнулась, показав слегка заострённые зубки, а ветер, чуть сдвинув рыжую прядку, приоткрыл немного заострённое ушко.

— Эльфа, — предположил Зур и засомневался: — А может и не эльфа. Может из лесного народа — полукровка.

Такое часто бывало — задержится мужик в лесу, тут его русалки и обкрутят. Могут под воду утащить, а могут и по прямому мужскому предназначению использовать. Потом под порогом его избы обнаружится свёрточек с пищущим (или кричащим) остроухим младенцем, у которого могут быть острые зубки. Жена, конечно, пилит мужа за поход на сторону, но младенца не принять в семью не может — русалка обидится и может отомстить. Хоть ребёночек и не русалка (или дриада, лешая — с кем там муж погулял?) но всё же... Бывало и

наоборот — леший или козлоногий на девку, отошедшую далеко в сторону от товаров, собирающих грибы или ягоды, позарится, тогда и приносить младенца не надо — сам появляется в нужный срок. Вот и воспитывается такой (или такая) полукровка в селянской семье. Надо сказать, полукровки, что парни, что девки, красивые. Быстро себе пару находят, да и помогают лесные жители своим или семье их приютившей. Может потому, и живут люди у проклятого леса, что не чужие, всё же родня его жителям.

— Может, и из лесного народа, — почёсывая в раздумье затылок, повторил Зур, — только не младенец почему-то, они-то обычно младенца подкидывают.

Сурима с надеждой посмотрела на мужа, она была совсем не против, чтоб её благоверный погулял с русалкой, дриадой или ещё с кем, да и сама женщине была не прочь, но почему-то лесные жители обходили стороной эту пару. А Зур продолжал рассуждать:

— Откуда взялась не знает, имени тоже не знает, точно не эльфа. Из лесных жителей? Думали — такая как они, а оказалась больше человеком. Но почему не помнит? Может, не хочет вспоминать? И говорить о своих лесных родственниках не хочет?

А Сурима достала крынку с молоком (вообще-то дома была корова и не одна, но вдруг в

дороге перекусить захочется, а крынка-то не простая — молоко в ней не скисает), предложила девочке:

— Хочешь молочка?

— Хочу! — оживилась та и приняла крынку, не оторвалась, пока не осушила. Зур аж удивился — куда в неё столько лезет. А девочка, вернув пустую посудину, вежливо поблагодарила. Сурима многозначительно посмотрела на мужа — нечисть или нежить точно благодарить не станет!

— Так как тебя зовут? Откуда ты? — снова спросила женщина, а девочка, распахнув огромные ярко-зеленые глаза, снова пожалала плечами. А Сурима с замиранием сердца спросила:

— А хочешь к нам, зелёные глазки?

Девочка украдкой глянула на пустую крынку и согласно кивнула. А задохнувшаяся от счастья женщина предложила:

— А давай, зелёные глазки, как листочки, я тебя так и буду называть — Листвяна, Листвяночка. Нравится тебе такое имя?

— Да, — кивнула девочка и потянулась к Суриме, та подхватила девочку и, закутав в тёплую шаль, усадила к себе на колени. Зур, скосив глаза, усмехнулся в усы и, щёлкнув кнутом, дал команду тягловым быкам продолжать движение.

Хозяйство Зура и Суримы, по меркам деревни

Большие Травы, было не то что богатым, зажиточным. Тут были даже наёмные работники: пожилая семейная пара — Тул и Фирта, тоже бездетные (дальние родственники хозяев) и старый дед, тоже родня, хоть и очень дальняя. Работникам у Зура и Суримы жилось неплохо, хоть работы было много, но хозяева её не переключивали на Тула и Фирту, а работали наравне с ними. Дед Рав (действительно дед хозяев, хоть и троюродный) занимался пасекой. Дом с хозяйством образовывал большое подворье, стоящее почти у черты охранного круга. Но в этом была и выгода — небольшая речка Быстрица, действительно очень быстрая, протекавшая у самой границы охранного круга и частично им накрывавшаяся, вращала колесо. Это колесо служило приводом не только для мельницы, но и для мехов кузницы, где иногда работали Зур и Тул.

Увидев подъезжающих хозяев, Тул открыл ворота. Большой воз заехал во двор, и к нему с лаем бросился огромный лохматый пёс, но увидев рыжую девочку, сидящую на коленях у Суримы, остановился, словно наткнулся на невидимую стену и, поджав хвост, взвизгнув, спрятался в будке. Вышедшие встречать хозяев, Фирта и Рав замерли, а потом сделали знак, отгоняющий демонов, Тул к ним присоединился. Зур повернулся к рыжей девочке. Собираясь что-то спросить, при этом снова

схватившись за свой амулет — сторожевой пёс Лохматый был не только лохматым и больших размеров, он, как многие местные собаки, чуял нежить и предупреждал о ней своих хозяев. Мало того, он её не боялся и мог со многими видами нежити, опасной для человека, вступить в схватку с большими шансами на победу. Напугать Лохматого мог только очень опасный зверь или нежить. Девочка соскочила с колен Суримы, выскользнув из шали, и нырнула в будку к Лохматому.

— Листвяна! Куда! Он же может тебя покусать!

— Кого вы привезли? — спросил Тул. — Лохматый испугался! А он...

— Да вот, подобрали на дороге, — ответил Зур, неодобрительно покосившись на Суриму — похоже, её желание иметь ребёнка, накликало беду! Они сами неизвестно кого привезли к себе на подворье, но если эта девочка столь опасна, что ей испугался Лохматый, почему её пропустил охранный круг! А ещё Зур вспомнил, как всхрапнули быки, когда он их остановил, увидев девочку, но тогда решил, что эти могучие животные так выразили недовольство резкой остановкой, потом они беспокойства не проявляли!

В собачьей будке довольно долго было тихо, и мужчины, на всякий случай вооружившись вилами, осторожно к ней стали подходить.

— Точно нежить привезли, — сказала Фирта, — сейчас она там Лохматого доедает, когда доест, за нас примется!

Мужчины с удвоенной осторожностью приблизились к будке, и Зур, держа вилы перед собой, туда заглянул. Подняв вилы вертикально, он поманил женщин к себе, сделав знак, чтоб они не шумели. Толкаясь перед будкой, заглянуть хотели все, люди увидели следующую картину: девочка сидела, обнимая Лохматого за шею, а он пытался повернуть голову и лизнуть её в щёку, но сделать псу это было неудобно, всё-таки его голова была близко от лица Листвяны. Ошейник с цепью лежал рядом, девочка его сняла.

— Листвяночка! Он же может тебя укусить! Лохматый очень злой пёс! — не выдержала и закричала Сурима.

— Не-а, — покачала головой девочка, теснее прижимаясь к лохматому боку, — не-а, не укусит, мы с ним друзья!

— Ошейник-то заклёпанный был, как она его сняла? Ладно бы цепь отцепила, но ошейник... — тихо пробормотал Тул, ни к кому не обращаясь. Но девочка услышала и пояснила то, что сделала:

— Ошейник очень тугой был, вы же его ему надели, когда Лохматый меньше был, теперь он вырос и ему было неудобно: натирало и жало. Вот он меня и попросил снять. Лохматый обещал, что

не будет со двора убежать и живность гонять.

— Откуда она знает, что пса зовут Лохматый? — спросила Фирта, ни к кому не обращаясь, ответил Рав:

— Как она сказала — пёс сам ей своё имя назвал, а потом попросил ошейник снять. Так ведь?

Последние слова дед Рав произнёс громко, явно обращаясь к девочке, та кивнула:

— Ага!

— Листвяночка, тебе помыться надо, а потом что-нибудь из одежды подберём, пока подходящую не пошьём, надо было на ярмарке новую купить, но кто ж знал? — засуетилась Сурина, Зур хмыкнул:

— Кто ж знал, что у нас девочка появится, да ещё такая!

— Хвала Ирхе! Он вам послал ребёнка, будет вам помощница и отрада! — торжественно произнёс Рав, осеняя себя знаком Ирхи, вслед за ним это сделали остальные. Девочка вылезла из собачьей будки и пошла за Суриной к большому корыту, около него стоял не менее большой чан с водой. Шедшая за хозяйкой и девочкой Фирта виновато сказала:

— Вот, воду приготовили, но не подогрели. Не знали когда вы приедете, но баньку с утра протопили. А подогреть... Я мигом!

Женщина лихорадочно защёлкала кресалом, пытаясь высечь искру, но у неё это не получалось.

Листвяна подошла и поднесла руку к щепкам, сложенным у дров (Фирта пыталась поджечь сухой мох, лежащий рядом со щепками), на ладошке у девочки появился огонёк. Девочка счастливо засмеялась, словно увидела что-то очень хорошее, а огонёк, будто живое существо, перебежал с ладошки на щепочки и радостно там заплясал, разрастаясь в большой огонь.

— Кто она? Оборотень? Но собаки оборотней не очень любят, — говорил дед Рав, наблюдая как Сурина и Фирта ведут рыжую малышку к бане.

— Может, оборотень собаки, щенок, потому-то Лохматый её и признал, — сделал предположение Тул, Рав ему возразил:

— Где ты видел оборотней собак? Да и не бросают оборотни своих, а Зур говорит, что она одна там стояла. Да если бы она была заблудившимся оборотнем, то стая её бы отбила, не дала довести до деревни.

— А может, она оборотень, не умеющая оборачиваться, вот стая от неё и отказалась, — продолжал отстаивать свою версию Тул. Дед хмыкнул:

— А то, что Лохматый её сразу испугался? Как ты это объяснишь? Большой пёс задрожал перед щенком, да так, что в будке спрятался? Да и вот, посмотри! — Рав показал ошейник, что вертел в руках. Цельный круг, сделанный из грубой кожи с

металлическими вставками и железным кольцом для цепи, был целым! Продемонстрировав ошейник, Рав указал на цепь: — Вон, её она тоже как-то от ошейника отцепила, но как? Все звенья целые! То, что она необычная девочка, сомнений нет, а вот из лесного народа ли она? Железа-то не боится и, что интересно, оно её слушается!

— Вон, глядите! — Зур обратил внимание мужчин на то, как девочка зажгла огонь, дед Рав хмыкнул:

— Похоже, Зур, вы с Суримой подобрали огневушку, теперь жди пожара!

— Ну почему сразу огневушку, с чего ты решил?

— Ты сам, Зур, поразмысли — с железом умеет обращаться, огонь на руке появляется... Да и сама как огонёк — рыжая!

— Огневушка воды боится, — возразил Тул Раву и тут же поправился: — Не любит. Может руку в воду опустить, ручей вброд перейти, а тут, ты сам посмотри!

Девочка заинтересовалась большой бочкой, откуда в чан набирали воду и, поставив вертикально полено, заглянула туда, а потом с видимым удовольствием поплескала там рукой. Полено выскользнуло из-под ног девочки, а она, пытаясь сохранить равновесие, наклонилась над бочкой — и только её ноги мелькнули над водой.

Девочка полностью ушла под воду, бочка была такого размера, что, даже встав на её дно, малышка не доставала до поверхности воды. Упавшая в бочку девочка и не пыталась из этой большой и глубокой ёмкости выбраться, было похоже, что малышка от неожиданности захлебнулась. Обе женщины громко закричали и бросились к бочке, наклонившись, не переставая кричать, зашарили там, но, видно, не доставали до дна и лежащей там девочки. То, что девочка лежит на дне, увидели и подбежавшие мужчины. Малышка лежала неподвижно, закрыв глаза, лежала так, что мужчины тоже не могли до неё достать. Все суетились, пытаясь что-то сделать, но ничего, чтоб достать лежащую на дне бочки девочку, придумать не могли. Первым опомнился Рав:

— Неси доску! Перевернём бочку! — скомандовал он Тулу, подкатывая к бочке полено, так чтоб получился упор для рычага, которым он и намеревался перевернуть бочку. Тул побежал за толстой доской, хотя и он, и все остальные понимали, что уже поздно — девочку не спасти.

— Утонула моя девочка, — заламывая руки, зарыдала над бочкой Сурима. Выметнувшаяся из бочки Листвяна обняла рыдающую Суриму:

— Не плачь, чего ты плачешь?

Люди так и застыли (Тул с доской на плече), глядя на мнимую утопленницу, а Сурима обняла

девочку и прижала к себе. Фирта украдкой потрогала Листвяну и сообщила:

— Тёплая! — после чего ущипнула, услышав возмущённое «ай!», добавила: — Ещё и живая!

— Похоже, русалка, — задумчиво произнёс Рав и тут же поправился: — Нет, не русалка. Русалки огня не переносят, а она его запросто зажгла. Да и где вы видели смуглую и рыжую русалку? Кто же ты, Листвяна?

— Неужели непонятно? Я Листвяна! — гордо ответила девочка, теснее прижимаясь к Суриме.

Листвяна уже неделю жила в доме Зура и Суримы, не переставая удивлять окружающих своими способностями. Девочка подружилась со всеми животными, что были в хозяйстве, у людей складывалось такое впечатление, что она их понимает. Даже с пчёлами на пасеке Листвяна нашла общий язык, когда она туда направилась, Сурима забеспокоилась:

— Они же её покусуют!

— Пчёлы не собаки. Они не кусают, а жалят, — усмехнулся в бороду дед Рав, но за Листвяной пошёл — мало ли что. Выйдя к ульям, он похолодел — девочка стояла на пути лёта пчёл! Если хотя бы одна пчела ужалит, остальные, почуяв запах яда, набросятся на Листвяну, как на источник вероятной опасности. А такое множество укусов

может быть и смертельным! Рав лихорадочно соображал — как же убрать девочку с опасного места, а она спокойно стояла, к чему-то прислушиваясь, потом сама шагнула в сторону и застыла у улья, из которого, как знал Рав, должен выйти рой. И он вышел! Пасечник приготовил для него пустой улей (не совсем пустой, там были рамки с мёдом, а самое главное, с пчелиным расплодом — личинками пчёл). Но рой надо ещё поймать и посадить в приготовленный улей, пчёлы там и останутся, они никогда не бросят своё потомство (не важно, что личинки чужие). Рав помянул Тофоса и всех его демонов, рой был, считай, упущен, и требовалось много усилий, чтоб его поймать! Произошедшее дальше изумило старого пасечника, Листвяна показала на приготовленный улей и сказала:

— Вам туда, там всё для вас готово и детки голодные ждут, летите быстрее!

Рой, сделав круг над головой девочки, устремился к приготовленному улью.

— Как ты узнала, что этот улей приготовлен для роя? — позже спросил Рав у Листвяны, то, что может выйти рой, опытный пасечник определяет по известным ему признакам, возможно, девочка уже имела такой опыт, но узнать, какой улей приготовлен? Листвяна ответила, снова удивив Рава:

— Это просто — в этот улей не летали пчёлы, а там детки плакали. Их никто не кормил, и они думали, что их бросили!

Рав только покачал головой, понимать зверей это одно, но понимать пчёл? Хотя... Опытный пасечник это умеет, но откуда такие знания у маленькой девочки? Пока старик размышлял над этими вопросами, рыжая непоседа уже куда-то убежала. Рав снова покачал головой — всё-таки ребёнок, может, это не знания, а врождённые способности? Всё же — кто такая Листвяна?

Тул виновато смотрел на Зура, из-за него срывался срочный заказ, но он не мог сегодня работать в кузне — спину так прихватило, что было больно не то что стоять, сидеть! Зур тяжело вздохнул, заказов в работе по железу не так уж и много, а тут появился — и на тебе! Но ничего не скажешь, хворь не спрашивает, подбирается внезапно — и ты уже не работник!

— Тул, ложись вот сюда, на лавку, — раздался звонкий, но в то же время чуть хриловатый голос. Зура постоянно удивлял голос Листвяны, словно девочка была слегка простужена и не может во всю использовать свой звонкий голосок, говорит с чуть заметной хрипотцой.

— Это зачем ещё? — подозрительно спросил Тул, девочка с неожиданной силой подтолкнула

мужчину, и тот растянулся на лавке, а Листвяна провела руками по спине, остановив их на больном месте, сказав при этом:

— Я же вижу — тебе больно! Вот я и помогу!

Мужчина охнул — больное место словно обожгло огнём, но затем боль сразу пропала. Тул немного полежал, ожидая — а вдруг боль вернётся? Затем сел, встал, согнулся и удивлённо сказал:

— Не болит! Совсем не болит! Будто к знахарке ходил! Нет, после того как баба Магда поколдует, всё равно болит, а тут... Всё прошло! Листвяночка, спасибо тебе!

Но девочка уже убежала, Зур произнёс, задумчиво глядя ей вслед:

— Кто же она такая? Лечить умеет. Точно не из лесного народа.

А Листвяна побежала в хлев, пришло время дойки, и её всегда угощали свеженадоенным молоком, большой кружкой! Молоко ей дали, но Сурима и Фирта были какие-то грустные, кроме них была ещё одна женщина, ещё не старуха, но очень пожилая в чёрном платье и платке, чем-то напоминавшая ворону. Листвяна выпила молоко и спросила:

— Что-то случилось, да? С Бурёной?

— Заболела наша коровушка, не доится и ничего не ест, вот даже Магда не может определить, что с ней! — произнесла Фирта, словно

причитая, кивнув в сторону женщины в чёрном.

— Ага, — ответила Листвяна и пошла в дальний конец большого сарая к отдельной выгородке. Там стояла бурая корова и дрожала мелкой дрожью. Девочка пока шла, сняла со стены серп и, подойдя к корове, приставила его к её горлу, при этом громко заявив:

— Её надо срочно убить, это я сейчас и сделаю!

— Бурёну?! — всплеснула руками Сурима и заголосила почти так же, как Фирта: — Она же тебе нравилась! Ты же говорила, что у неё молоко самое вкусное! Зачем же её убивать? Её лечить надо!

— Её надо обязательно убить! Чтоб с другими коровами такого не случилось! — уверенно произнесла Листвяна и замахнулась серпом, намереваясь полоснуть корову по горлу. Но удар не достиг цели, серп упал на землю, а этой рукой, что его держала, девочка схватила какой-то туман, который отделился от коровы. Второй рукой Листвяна ударила этот туман, ударила даже не рукой, а огнём, появившимся на ладони. Раздался многоголосый визг, будто визжали от сильной боли несколько зверей. Девочка обеими руками, с которых стекал огонь, держала странный серый туман, который теперь стал бледно-зелёным и сгорал в жарком пламени. Так продолжалась с минуту, туман, перестав визжать, исчез. Корова перестала

дрожать и потянулась к лежащему перед ней сену, а девочка обессиленно опустилась на землю и жалобно попросила:

— Мне бы молочка.

— Сейчас, Листвяночка, сейчас, доченька, — засуетилась Сурима, наливая в кружку молоко. А Фирта спросила у Магды:

— Кто это был? Коровий туманник?

— Да, вашей Бурёне повезло, что он не начал её поедать, а только старался поглубже забраться. Признаков туманника я не видела, были все признаки отравления. Но как она определила, что это туманник? Да так сразу, даже не глянув на корову? Но не это важно — как ей удалось его убить? Туманника можно сжечь только с коровой, да и то, он успеваает перед этим выесть ещё нескольких, а тут... Ваша Листвяна сумела выманить эту тварь и сжечь! Такое может сделать только очень опытная ведьма, да и то не всякая. Сжечь может только огненная ведьма, но она не сможет вот так сразу туманника обнаружить, только тогда когда он... Я уже это говорила, — Магда говорила, словно размышляя, не обращая внимания, слушают её или нет. И если Сурима хлопотала около Листвяны, пьющей третью кружку, то Фирта внимательно слушала Магду, сельскую травницу, о которой говорили, что она очень ещё и ведьма. А Магда продолжала

размышлять вслух: — Учужа-таки туманника, а я вот не смогла. Старая, видно, стала. Но кто же такая ваша Листвяна? Обнаружить туманника может зелёная ведьма, лесная или полей. Чёрная ведьма, та, что имеет дело с людьми, такого не умеет. Огненная ведьма тем более такую нежить не увидит. Ведьма, у которой способности смешаны, тоже эту нежить не распознает. Увидеть и сжечь может опытный маг, очень опытный маг, но такой разве забредёт в наше захолустье?

Магда замолчала и посмотрела в сторону сидящей на ворохе сена рыжей малышки, на её бледном лице особенно ярко проступили веснушки. Глядя на Листвяну, ну никак нельзя было не то что сказать, даже подумать, что она опытный маг. Девочка-то и на мага была не похожа!

— Пятая кружка! Куда в неё столько влазит? — произнесла Фирта, она тоже смотрела в ту сторону, а Сурима ещё одну наливала. Девочка немного склонила голову, и стало видно чуть заостренное ушко, до этого скрытое под рыжими волосами.

— Полукровка, только вот чья? — продолжала размышлять сельская знахарка. — Эльф? Вряд ли, те своих держат под присмотром и потеряться не дадут. То, что не гном — точно, не похожа она на гнома, да и нет среди гномов обладающих сильными магическими

способностями, а тут такие способности на лицо!

Девочка, видно, напилась и, чуть пошатываясь то ли от количества выпитого молока, то ли от слабости, после ею сделанного, направилась к выходу. На вопрос Суримы — куда она идёт. Листвяна ответила:

— В кузню, там ковать будут, хочу посмотреть.

Девочка убежала, женщины продолжили заниматься хозяйством, а сельская знахарка (или ведьма — это с какой стороны посмотреть) села в сторонке со словами:

— Подожду, хочу с вашей Листвяной поговорить. В кузню сейчас лучше не соваться, как только её туда пускают?

Листвяна прибежала в кузню, когда Зур и Тул пытались разжечь огонь в горне. В углу сидел кряжистый, можно сказать — могучий, человек, он не торопил кузнецов, так как был в курсе того, что хворь одолела Тула и пришёл, не столько для того, чтоб забрать свой заказ, сколько для того, чтоб выразить свои соболезнования. Теперь же староста деревни, а именно им был этот могучий мужчина, был приятно удивлён: было похоже, что его заказ будет выполнен в срок. Вот только горн (о том чтоб просушить уголь не позаботились, так как Тул был не в состоянии работать) никак не разжигался.

— Давайте я разожгу! — предложила

Листвяна и протянула руку, на ладошке которой заплясал огонёк. Зур и Тул уже такое видели, а Дрим (староста деревни) с удивлением смотрел, как маленькое пламя, словно ручной зверёк, перебралось с ладошки девочки на сырой уголь и, нисколько этим не смущаясь, весело там заплясало, разрастаясь в большой огонь. Зур вынул стопорный клин и привод от водяного колеса, стал раздувать меха, подавая воздух в горн. Когда заготовка разогрелась до нужной температуры, тот же привод стал опускать тяжёлый молот на наковальню, обрабатывая заготовку. Тул клещами поворачивал изделие так, чтоб оно приобрело нужную форму, в итоге должна была получиться режущая кромка большого плуга.

— Не так надо! — не выдержала, внимательно наблюдавшая за действиями мужчины, Листвяна. Девочка выхватила клещи из рук Тула так быстро, что тот не успел возразить или воспротивиться, и стала вертеть заготовку сама. Металл смялся словно тесто, но это только вначале, по мере остывания он становился менее податливым, его требовалось снова поместить в горн. Но Листвяна этого не сделала, с её рук потёк огонь, разогревая поковку. Девочка без особого напряжения ворочала тяжёлый кусок железа, всем своим видом показывая, чтоб ей не мешали. Ворочала без усталости несколько часов, мужчина, даже сильный, уже бы утомился, да и

нужное изделие за это время было бы уже изготовлено. Первоначальную заготовку, Листвяна превратила в тонкую полоску, потом сложила её несколько раз и повторила всё снова. Зур и Тул были в недоумении — зачем она это делает, а вот Дрим подался вперёд и внимательно следил за действиями девочки. Наконец, Листвяна закончила и сунула готовое лезвие в большой горшок с перетопленным салом. Мужчины рассматривали то, что отковала Листвяна, и цокали языками — чуть синеватое лезвие к плугу было сделано идеально (из-за дороговизны железа весь плуг был деревянным и только эта его деталь была из металла).

— Замечательно! — оценил работу Листвяны Дрим и тут же спросил: — А откуда ты знаешь, что мне надо?

— Я видела, как ковали такие детали Зур и Тул (девочка всех называла просто по имени), и когда они начали делать, увидела, что должно получиться, но ковали они неправильно... Форму они делали такую как надо, а вот ковали...

— Я понял, — усмехнулся староста деревни и провёл ногтем по кромке лезвия, оно зазвенело, мужчина усмехнулся: — Чуть подправить и можно рубить врагов.

Словно решив что-то проверить, мужчина выдернул из бороды волосок и отпустил его, при

этом взмахнул выкованным лезвием — волосок распался на две части. Дрим усмехнулся:

— И подправлять не надо, да и точить не скоро надо будет.

— Дрим, ты доволен? — недоверчиво спросил Зур, староста деревни ответил:

— Более чем! Ваша приёмная дочь, уж не знаю как, но выковала оружейную сталь высшего качества. Так могут только гномы! Кстати, Листвяна, тебя ведь так зовут? Ты случайно не из гномов? Твоя сила и умение явно указывают на этих бородатых коротышек. Хотя у тебя от них только рост, а сама ты худенькая, тростинкой перешибить можно, а гляди ж! Как ты ловко это отковала! Да и силы у тебя, как у здорового мужика!

— Ага! Я такая! — гордо ответила девочка.

— Листвяна, кто же ты на самом деле? Откуда ты пришла? — спросила Магда, она, как и Сурима с Фиртой, которые закончили свои дела, наблюдала окончание работы девочки.

— Я — Листвяна! — гордо ответила девочка, а Сурима, видно, что-то заподозрившая, бросилась к девочке и обняла, выдохнув при этом:

— Она не нежить! Не отдам!

— Никто и не говорит, что она нежить, нежить не будет лечить корову, а просто её съест, — улыбнулась Магда и спросила у девочки:

— Листвяна, вот ты сможешь съесть Бурёну?

— Не-а, Бурёна хорошая, она вкусное молоко даёт.

— А другую корову? — хитро спросила сельская знахарка, девочка задумалась.

— Ну, это ещё ничего не доказывает, — усмехнулся Тул, — корову и я съесть смогу, если, конечно, будет что выпить!

— Тьфу! Ты и двух коров сожрёшь, если что выпить будет! Старый пьяница! — напустилась на мужа Фирта. Дрим подмигнул Листвяне и, улыбнувшись, сказал:

— Вот, Тул двух коров съесть может, но никто его нежитью не считает!

— Нежить старой не бывает, как Тул, — тоже улыбнулась Магда, — к тому же нежить не пьёт хмельных напитков, а ведёт трезвый образ жизни!

— А почему нежить не пьёт хмельных напитков? — громким шёпотом поинтересовалась Листвяна у Суримы, продолжавшей её к себе прижимать и сделала неожиданный вывод: — Значит, тот кто ведёт трезвый образ жизни — нежить?

Мужчины захохотали, а Дрим сквозь слёзы, выступившие у него от смеха, проговорил:

— Интересный и оригинальный способ выявления нежити!

— Да, если налить, а он или она не пьёт, то

точно нежить! — поддержал старосту Тул.

— Ага! Если сидит и ест корову — то это нежить. А если при этом пьёт хмельной напиток — то не нежить, — задумчиво стала рассуждать Листвяна и растерянно добавила: — Но я же не пью хмельно! Я только молоко пью. Значит, я нежить?

Мужчины снова захохотали. А Сурима теснее прижала девочку к себе и сказала:

— Нет, доченька, ты не нежить!

— Нежить рыжей и с веснушками не бывает! — вытирая слёзы и продолжая смеяться, сказал Дрим, а Магда очень серьёзно добавила, сказав то, что говорила раньше:

— Нежить скотину не лечит, не умеет. Вот коровий туманник — это нежить! Очень опасная нежить!

— Ага, — кивнула Листвяна и, вызвав очередной приступ смеха, заявила: — Он противный и липкий! Его нельзя есть!

— Если хорошую выпивку поставить, то ты и туманника съешь! — пробурчала Фирта, уводя мужа, а Сурима увела Листвяну. Магда и Дрим переглянулись и посмотрели на Зура, при этом травница у него спросила:

— Кто же такая Листвяна? Говоришь, по дороге с ярмарки встретили?

— Да, совсем голая стояла на опушке проклятого леса, там, где он к дороге подходит. Я

ещё подумал — уж не нежить ли или нечисть какая, раз не съели или как-то по-другому не обидели, — начал рассказывать Зур. Дрим, посмотрев на потухший горн и очередной раз, словно любуясь, проведя ногтем по лезвию, хмыкнул:

— Таковую обидишь!

— Туманника она сразу распознала, а я не углядела. Потом его выманила и сожгла, — задумчиво произнесла Магда и кивнула Зуру: — Рассказывай дальше.

Зур подробно рассказал о том, как встретили рыжую девочку на дороге и о первых днях её жизни у него в семье, закончил свой рассказ так:

— Ласковая, послушная, но словно чего-то боится. Бывает, за Суримой хвостиком ходит, та её доченькой кличет. Но Листвяна её мамой не называет.

— Может, твою жену и боится потерять? Ты говоришь — ничего не помнит, однако же знает и умеет много! — сказав, Магда посмотрела на лезвие в руках Дрима и добавила: — Да и сила у неё... Не всякий мужик справится!

Сельский староста, старый солдат Дрим, очередной раз повертев изделие Листвяны и уже в который раз одобрительно хмыкнув, стал прилаживать лезвие к деревянной основе. Всё-таки неплохо было бы прикупить настоящий плуг, но где

ж взять денег? Хотя... Это лезвие, в отличие от тех что ковали Зур и Тул, прослужит долго. Они, конечно, стараются и получается у них неплохо, но до настоящего кузнеца из центральных районов королевства, да и из приграничных гарнизонов, им далеко. Закрепив лезвие, Дрим посмотрел на плуг — надо было это раньше сделать, но всё недосуг — обязанности старосты, своё поле и вспахать некогда. Почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд (всё-таки армейские навыки остались), Дрим скосил глаза и увидел рыжую девочку, сидящую на заборе. Обычная, таких по деревне много бегает, всех и не упомнишь. Но эта сразу запоминалась, хоть и не было в ней ничего особенного — чуть курносый с веснушками нос, веснушки и на щеках, рыжая, что в здешних местах не такая уж и большая редкость. Широкая детская улыбка, распахнутые большие глаза (у детей всегда большие, но у Листвяны они были больше обычных), но вот у детей её возраста они были наивные, что ли, а у этой... Что-то в этом взгляде было такое... Дрим даже подобрать сравнение этому взгляду не смог. А девочка сидела на заборе и совсем по-детски болтала ногами.

— Мать волноваться не будет? — спросил Дрим, хотя девочка уже неделю бегала по деревне и один раз с ребятнёй выбиралась в лес за ягодами (дети дальше опушки не уходил, а там проклятый

лес был совсем обычным, к тому же у каждого ребёнка был защитный амулет). Дрим посмотрел, но на шее у Листвяны ремешка, уходящего под рубаху, не было, значит, и амулета тоже нет.

— Не-а, Сурима знает, куда я пошла, — ответила девочка. Она всех взрослых, не прибавляя, как другие дети — дядя или тётя, называла по имени, в том числе и приёмных родителей. Девочка ещё поболтала босыми ногами и спросила:

— Дрим, а ты пахать? А можно я с тобой?

— У тебя же защитного амулета сейчас нет, а я иду за охранный круг, — ответил мужчина.

— А зачем мне амулет? — пожалала плечами Листвяна, и в её глазах появилось то самое, так смущавшее Дрима недетское выражение. Он на мгновенье задумался, брать ли девочку с собой? Вроде как нехорошо это делать, не поставив в известность её родителей, но с другой стороны — все дети бегали на опушку леса, очень часто не спрашивая ни у кого разрешения. Ведь она могла и без спроса последовать за старостой, да так, что он об этом и не узнал бы, а тут, гляди ж, спросила — можно ли? Да и под защитой амулета Дрима (а у него хороший амулет, один из лучших в деревне, не Магдой сделанный, а из города привезенный) безопаснее будет. Мужчина кивнул и пошёл выводить тягловых быков, пока он это делал, пока их в плуг запрягал, Листвяна, болтая ногами,

продолжала сидеть на заборе. Когда же он со двора вывел быков на улицу, предварительно подняв плуг — не пахать же борозду от своего подворья до поля, девочка не пошла рядом, а одним движением перемахнула с забора на шею одному из быков. Тот не возмутился таким самоуправством, а продолжил мерно шагать.

Глава 2. Сельские будни

Староста деревни Большие Травы, старый солдат Дрим, направлялся распахать новое поле, даже не поле, а лесную гарь. Вообще-то с проклятым лесом шутки плохи, и люди, живущие у его кромки, это прекрасно знали. Из его чащи время от времени появлялись чудовища (невиданные звери или хищная нежить), но такое соседство имело и свои выгоды, поля у самого леса давали по три урожая в год, а грибы и ягоды были необычайно большими. И хоть проклятый лес был опасным не только своими обитателями, но и сам по себе, люди отвоёвывали у него землю под свои пашни. Лес никто не выжигал, как это было в других местах, жители деревень у леса терпеливо ждали удобного случая и вот тогда заставляли лес подвинуться. Вот и сейчас — лесной пожар случился от удара молнии и выгоревший участок, как бы стал ничьим. Пока он снова не зарос

деревьями и кустарниками, его можно было распахать, превратив в поле, что Дрим и намеревался сделать. Дорогу к новому полю надо было проложить через небольшой, невыгоревший участок леса, который становился как бы рощей между вспаханнами участками — новым и старым.

Тягловые быки мерно шагали, точно так же за ними шагал Дрим. Листвяна продолжала сидеть на шее быка и насвистывала что-то весёлое, к ней присоединилась небольшая птичка, севшая девочке на плечо. Потом прилетела ещё одна. Дрим даже перестал дышать, боясь испугнуть лесных птах, только смотрел во все глаза — птицы тоже свистели, выводя ту же мелодию, что и Листвяна! А девочка продолжала насвистывать, словно так было и надо. Неожиданно птицы взлетели, словно чего-то испугавшись, на плечо девочке упал рыжий комочек. Дрим ещё больше удивился — белки очень осторожные зверьки, их увидеть можно только издали, близко к себе они никого не подпускают! Белка, почти сливаясь с рыжими волосами девочки, словно что-то рассказывала ей на ухо, Листвяна даже свистеть перестала, только чуть заметно кивала, словно благодарила белку. А потом маленький рыжий зверёк убежал — быки вышли к будущему полю.

Дрим пахал так, чтоб борозды шли от рощи между полями к нетронутому лесу. Каждый раз,

делая разворот, мужчина напрягся, ощупывая свой амулет: близость к чащобе таила опасность — мог появиться зверь или нежить. Такое могло запросто случиться, хоть был почти полдень, но это же проклятый лес! А Листвяна продолжала сидеть на шее у быка, даже за рога ухватилась. Во время одного такого разворота, вернее, перед ним и случилось то, чего боялся Дрим: из леса выпрыгнула большая пиявка! Этот обитатель проклятого леса был очень похож на своих собратьев, живущих в воде (те тоже были немаленьких размеров), но длина лесной пиявки превышала вдвое рост взрослого человека. Обитал этот хищник в кронах деревьев, оттуда и нападал на свою жертву. Амулет мужчины моментально стал горячим, Дрим застыл, понимая, что ничего сделать не успеет, арбалет с зачарованными болтами был за спиной, а пиявка летела, нацелившись в рыжую девочку. Листвяна сделала движение рукой, будто перебрасывает что-то через себя и закончила его, резко опустив руку. Траектория полёта пиявки изменилась, словно какая-то сила её подбросила, заставив пролететь над головой девочки, а потом с размаху приложила о землю. Всё произошло настолько быстро, что Дрим даже остановиться не успел, и лезвие плуга разрезало напополам дергающееся в конвульсиях длинное чёрное тело. А девочка как ни в чём не бывало снова стала

насвистывать что-то весёлое.

Дрим пахал до вечера, но успел распахать всю гарь, превратив её в новое поле. Листвяна покинула своё насиженное место уже в деревне, когда проезжали мимо двора её родителей, одним движением перемахнув высокий забор. А староста деревни, загнав тягловых быков во двор, отправился к Магде. Там он рассказал о событиях дня сельской знахарке. Закончил он свой рассказ так:

— Дети бегают в лес, собирать грибы, ягоды, но это ближний лес, роща — отделённая от основного массива таким же полем, как я сегодня распахал, там пиявок нет. У нового поля ещё чащоба, скорее всего, она там жила, пожар её не потревожил. Когда увидела добычу — напала. Напала, как ей казалось, на самого беззащитного. Быки ей не по зубам, ведь она не ядовитая, а у быков шкура толстая, пока прогрызёт — затопчут! Пиявка прыгнула, а Листвяна вот так рукой сделала — и всё!

— Что всё? Пиявка умерла? Листвяна её убила взмахом руки? — задала Магда наводящий вопрос, уж очень путано Дрим рассказывал, тот покачал головой:

— Нет, её словно что-то подбросило!

— Кого? Листвяну? Что-то я тебя не пойму, кого подбросило?

— Да пиявку же! — с досадой проговорил Дрим, словно сетуя на непонятливость собеседницы. — Пиявку! Подбросило, как такое может быть? Не вниз толкнуло, как бывает, когда пиявка попадает в зону действия защитного амулета, а вверх! А потом точно под плуг бросило, да ещё об землю так ударило, что зверюга только дёргалась, даже ползти не могла, а не то что взлететь! Амулет такого воздействия на пиявку не оказывает, она если отбита его защитой, то сразу взлетает и убегает или атакует снова!

— Пиявка не может убежать, она летает, — усмехнулась Магда и с укором добавила: — Напрасно ты один пошёл поле пахать. У его кромки не опушка, а ещё чащоба со всеми её жителями, а то, что рядом гарь или уже вспаханное поле, их не смущает.

— Но у меня же амулет! — показал свой оберег Дрим, Магда чуть усмехнулась:

— То, что он из города, не означает, что от всего защитит. Когда пиявка атаквала...

— Он нагрелся! — с некоторой обидой сказал мужчина, знахарка строго сказала:

— Не перебивай! Он только предупредил, а защитить не смог! Пиявка, говоришь, прямо под плуг упала? Не упала, её туда бросило! Ведь сам же говорил — у Листвяны был такой жест, будто она что-то подхватила, а потом бросила. Думаю, там не

только пиявка была, а ещё какая-нибудь хищная живность.

— Так амулет же больше не нагревался, — растерянно произнёс Дрим. Магда улыбнулась:

— Ты же сам говорил, что Листвяна насвистывала и даже пела, вот она всех зверей и распугала.

— Песенка же весёлая была!

— И весёлой песенкой можно до судорог напугать, только спеть её надо правильно! — снова улыбнулась Магда и добавила: — Тебе надо Листвяну благодарить, что жив вернулся!

— Ты говоришь так, будто эта рыжая девчущка... — начал Дрим, на этот раз Магда его перебила:

— Чувствую, что эта рыжая девчущка совсем не такая безобидная, как выглядит.

— Но кто же она?

— Знаешь, Дрим, очень я бы хотела знать — кто она!

— Листвяна! Айда с нами! — ватага детворы звала дочь Зура и Суримы собирать ягоды. Девочка посмотрела на свою приёмную мать и спросила:

— Сурима, можно мне с ними?

— Конечно, доченька, только будь осторожна! — ответила женщина, она называла Листвяну дочкой, но та не называла ни Суриму

мамой, ни Зура отцом. Если мужчина на это не обращал внимания, то его жену это очень расстраивало. К тому же Листвяна упрямо не хотела надевать амулет-оберег. Рассказ старосты селения о произошедшем на новом поле успокоил только Зура (всё указывало на то, что девочка имеет магические способности и может за себя постоять), но Сурима очень беспокоилась. Девочка убежала на улицу, а Зур, глядя ей вслед, задумчиво произнёс:

— Как поедem в город, надо будет её магу показать, возможно, у неё есть способности и её надо отдать в обучение...

— Как отдать?! Листвяну отдать чужим людям?! — не дала высказаться мужу Сурима и тоном, нетерпящим возражений, добавила: — Не бывать этому!

А сама Листвяна, даже не догадываясь, какие планы относительно её возникли у её приёмного отца, шла с ватагой ребятни вдоль речки Быстрицы. Шли вниз по течению, так как, протекая через деревню, речка проходила сквозь охранный круг, отсекающий возможность появления в воде хищников и нежити. Речка была быстрая, и подняться вверх по течению большим хищникам и нежити (речная нежить неповоротлива) было довольно трудно. Была возможность, что в реке окажется нечисть, но вероятность этого была крайне мала, к тому же у всех детей были охранные

амулеты. Компания ребят за ограду деревни вышла, чуть зайдя в воду, вообще-то они должны были выйти через охраняемую калитку, но туда долго идти, вдоль речки быстрее получается. Охранник таких калиток и ворот, конечно, выпустил бы, но перед этим долго бы рассказывал, что и как надо делать, а чего нельзя, кого опасаться. Кому охота такое долго выслушивать, тем более что такие сторожа, как и ограда, — фикция, основная защита деревни — магический охранный круг. Дети обошли забор по мелководу и остановились, всё-таки надо выйти из-под деревенской защиты. Но там манила к себе небольшая заводь, день был жаркий и поплескаться — ой как хочется! Но страшно, эта заводь уже за пределами деревенского охранного круга. Но всё же желание пересилило осторожность, и дети с визгом посыпались в воду. Листвяна не стала исключением, но она в отличие от остальных, произвольно старающихся держаться ближе к деревне и её защитному кругу, поплыла к дальнему краю заводи. Девочка ныряла и кувыркалась, получая удовольствие, как оказалось, она плавала гораздо лучше остальных ребят. Во время одного такого ныряния скрывшаяся под водой Листвяна долго не показывалась из-под воды, так долго, что это вызвало беспокойство остальных. Дети выбрались на берег и собрались уже бежать в деревню, чтоб рассказать о случившемся несчастье:

о том, что утонула их новая подружка. А может и русалки утащили или ещё того хуже — водяник поймал девочку!

Но тут из под воды появилась Листвяна и она была не одна! С ней была русалка! Дети испуганно закричали, а Листвяна как ни в чём не бывало выбралась на берег, и неизвестно откуда взявшийся тёплый ветерок обсушил её смуглую, чуть золотистую кожу и высушил рыжие волосы. Русалка немного отодвинулась от девочки дальше в воду, а вот сама Листвяна на ветерок не обратила внимания, как будто это было в порядке вещей.

— Что ты будешь делать? Ведь он сюда плывёт, сейчас здесь будет, — сказала русалка, словно продолжая разговор. Девочка пожала плечами:

— Подожду, посмотрю, там видно будет.

— Но он же... — начала русалка, но не смогла закончить, ей помешал детский крик. Ребяшня вопила от ужаса — через пережат, отделявший заводь от вытекавшей из неё речки, перебирался водяник! Пережат был слишком мелкий для него, и он почти весь показался над водой. Зелёный, похожий на большую лягушку, но даже самая отвратительная лягушка по сравнению с ним выглядела бы красавицей. Шкура водяника была покрыта коричневыми бородавками, а голову почти надвое делила огромная зубастая пасть. Глаза,

горевшие жёлтым огнём, дополняли картину.

— Ой пропала я! — запричитала русалка. — Убежать вверх по течению не смогу, там ваша деревня с охранным кругом, а вниз... Дорогу водяник перекрыл. Он меня съест или водяницей сделает, не знаю, что хуже!

Водяник издал звук, напоминающий рычание и бульканье одновременно, а Листвяна, без страха даже с интересом разглядывающая речное чудовище, произнесла:

— Ага!

В этот момент упало сухое дерево, несколькими сучьями пробив водяника насквозь. То ли под действием течения, то ли под собственным весом. Дерево перевернулось, и ветки, на которые было наколото водяное чудовище, оказались сверху, выдернув извивающегося водяника из реки и выставив на солнце, не оставляя ему шансов на спасение. Пробившие водяника ветки, вошедшие глубоко в тело, не позволят освободиться, а лучи жаркого солнца высушат водяного жителя менее чем за полчаса.

— Он же умрёт! Его солнце быстро высушит! — очень эмоционально отреагировала на случившееся русалка.

— Хррр! — согласился с ней водяник.

— Если тебе его жалко, можешь снять, — посоветовала Листвяна и предупредила: — Только,

боюсь, он из тебя водяницу делать не будет, а тобой закусит. Так сказать, в знак благодарности.

Русалка скользнула в воду (при появлении водяника она почти вылезла на берег) и, осторожно перевалив через пережат, ушла вниз по течению реки.

— Водяник почуял добычу, ваш запах-то вода вниз сносила, вот и поплыл сюда, — произнесла Магда, она и Дрим стояли у самого охранного круга. Староста деревни держал в руках арбалет с серебряным болтом, и судя по свечению вокруг этой стрелы, болт был ещё и магическим. А знахарка продолжала говорить, обращаясь к одевающейся Листвяне: — Русалка-то тут от него пряталась. Вверх по реке уплыть не могла — охранный круг её бы не пропустил, а за пережатом её водяник ждал. Подойти близко к деревне боялся, но тут столько лакомства появилось, вот он на запах и пошёл, забыв об осторожности. Тут бы он вами и пообедал.

— Если бы Магда не почуяла опасность и не предупредила меня, то точно у водяника сегодня был бы пир! — обращаясь к детям, укоризненно произнёс Дрим и наставительно добавил: — Выходить из деревни надо через охраняемые ворота или калитки, а не через дыры в заборе!

— Но у нас же защитные амулеты! И мы их не снимали, когда купались! — возразил один из

мальчишек, осмелевший когда опасность миновала.

— Водяник этот амулет не стал бы есть, это точно, — улыбнулся Дрим и пояснил: — Он бы его выплюнул. Даже мой амулет не спасает от этой нежити, только серебряный зачарованный болт!

— Или большая сухая осина, — добавила Магда и, глядя на уже затихшего водяника, достала серебряный нож: — Подожду, когда совсем сдохнет, потом кое-что вырежу. Свежий водяник — большая удача и ею надо воспользоваться.

— Дядя Дрим, так мы пойдём? Водяник-то сдох, — произнёс самый смелый из ребячьей компании, ответила Магда, внимательно глянув на Листвяну:

— Идите, если собрались, чего уж, — когда дети убежали, она добавила, укоризненно качая головой: — А дыры в ограде, Дрим, надо бы заделать.

А мужчина, рассматривая остаток ствола осины, торчащий из земли, произнес:

— Дерево хоть и сухое, но ещё крепкое. Ветра-то не было, чего оно сломалось?

— Да так вовремя сломалось и упало куда надо, а ты не увиливай! Дыры заделать надо! И как можно скорее! — усмехнувшись, но при этом строго сказала Магда и, задумчиво глядя в след ребятне, добавила: — Кто же ты такая, Листвяна?

Ягоды были большие и вкусные — корзинки и животы наполнились быстро. Идти домой не хотелось, и дети затеяли игру в салочки. Листвяна бегала наравне со всеми, и нельзя было сказать, что она быстрее остальных. Детвора так увлеклась игрой, что позабыла обо всём, опомнились только тогда, когда начало темнеть. Дети засобирались домой, всё-таки идти надо было почти три аллы, как вдруг раздавшийся вой заставил их поспешить. Вой доносился из леса, до которого от этой рощи было довольно далеко, алл десять, поэтому дети не очень и испугались. Но всё же эти угрожающие звуки заставили маленьких собирателей ягод поторопиться, но выйти из рощи им не удалось, дорогу к деревне преградила стая серо-коричневых зверей.

— Мамочка! Почему мой амулет молчал? — заплакала одна из девочек, остальные к ней присоединились. Кто-то из мальчишек предложил:

— Бежим обратно! Залезем на деревья и звери нас не достанут!

— Это короты, они по деревьям запросто лазят, — произнёс самый старший и пояснил молчание амулетов: — Короты звери, а не нежить. Вот амулеты и не предупредили.

Девочки заревели в голос, к ним присоединились и мальчишки, только двое старших ребят не плакали, а кусали губы — положение было

безвыходным.

— Они нас съедят! — плакали уже все дети.

— Не-а! — не плакала только рыжая девочка, перехватив поудобнее корзинку с ягодами (остальные тоже не бросили свои корзинки, несмотря на бедственность положения), она шагнула вперёд, выставив перед собой свободную руку и грозно сдвинув брови, сказала: — Уходите!

Неизвестно, что на ладошке Листвяны увидели лесные хищники, но они попятились, при этом многие из них поджали хвосты. Девочка шагнула вперёд, заставляя коротов попятиться. Неспешно шагая, девочка продолжала держать перед собой вытянутую руку, ребятня, перестав всхлипывать, тесной кучкой шла за ней следом. Расступившиеся звери не убежали, а потянулись за детворой. Листвяна, продолжая держать перед собой руку, переместилась так, чтоб находится между кучкой детей и стаей хищников.

— Не бежать! Идём спокойно! — скомандовала Листвяна и добавила: — Если они бросятся на нас, я их не удержу!

Медленно отступая, детвора приблизилась к ограде деревни, только у самых ворот их заметили, всё-таки сгущающие сумерки ограничивали видимость. Ударил надвратный колокол, и двое мужчин, выбежавшие из ворот, разрядили в стаю зверей свои арбалеты. Обе стрелы попали в цель,

при этом не просто убив зверя, а взорвавшись небольшим огненным клубком. Дети с визгом бросились в распахнутые ворота, а оттуда выбежали ещё двое селян и выстрелили в лесных зверей. Первые два стража успели перезарядить арбалеты, и новые огненные клубки если не остановили коротов, то не дали им приблизиться. Воспользовавшись этим, люди вернулись в селение, закрыв ворота, один из мужчин нёс рыжую девочку. Листвяна начала оседать на землю, как только были сделаны первые выстрелы.

Окованные железом ворота не спасли бы жителей деревни от хищников, те бы в них не ломались, а просто перелезли бы через бревенчатую ограду, преградой стал магический охранный круг. Короты бесновались в метрах трёх от стены, но созванные надвратным колоколом жители деревни заняли места у частокола. Зачарованные арбалетные болты били без промаха. Ни один корот не ушёл, перед воротами полегла вся стая. Дети, позабыв свои недавние страхи, тоже висели на частоколе (там, где были свободные места) и громкими криками выражали свой восторг, наблюдая избиение лесных хищников.

— Большая стая, — произнёс один из мужчин и добавил: — Повезло мелким, что идущие по следу короты догнали их у самых ворот. От стаи этих хищников ни в лесу, ни в чистом поле

спасения нет!

— Они хотели нас съесть ещё у рощи, где мы ягоды собирали! — пискнула девочка, что звала мамочку, когда появились короты. Её поддержали и другие дети, теперь, когда испуг прошёл, а с хищниками справились, произошедшее выглядело как героическое приключение: отважная ребятня сумела удрать от лесных хищников!

— Съесть ещё у рощи? Так они ещё там на вас напасть хотели? — удивился мужчина, а староста Дрим поинтересовался:

— И как же вам удалось от них убежать? Даже если вы бежали сломя голову, удрать от хорота не получится! Так что произошло на самом деле? Где вы встретили коротов? Говорите правду, это важно. Таких стай может быть несколько, и тем, кто встретит другую стаю, может так не повезти, как вам.

— Да что их слушать, я же видел — они подошли к воротам, и сразу стая за ними появилась. Говорю же — повезло мелюзге, что эти твари их раньше не догнали! — вмешался тот же мужчина, видно, охранявший ворота.

— У рощи! — выкрикнул мальчишка, уязвлённый, что ему не верят. Девочка, у которой ещё и слёзы не просохли, плачущим голосом дополнила:

— У рощи! Они так страшно выли и рычали...

— Сначала выли, а рычали потом, когда Листвяна им сказала уходить... — поправил подружку паренёк. Но та, не обращая внимания на поправку, продолжала рассказывать: — Листвяна им сказала уходить и показала куда, вот так руку вытянув. Но они туда не пошли, а шли следом за нами и рычали! А Листвяна сзади была и всё им показывала куда...

— Постой, постой, — остановил девочку Дрим, — давай сначала и подробнее.

Рассказывала не только эта девочка, в этом приняли участие все дети. Они говорили, перебивая друг друга, и их рассказ изобиловал такими событиями, которых и в принципе быть не могло. Но Дрим, и не только он, выделил главное — короты испугались, когда увидели ладошку Листвяны или то, что было на ней, чего так и не увидели остальные дети. Дрим повернулся к Суриме, державшей на руках приёмную дочь. Женщина отрицательно покачала головой, показывая, что не позволит сейчас трогать Листвяну, Дрим согласно кивнул — он может поговорить с девочкой и позже, может, она расскажет, что произошло возле рощи. Вроде как у старосты и этого необычного ребёнка установились вполне дружеские отношения, вряд ли Листвяна будет что-то скрывать от Дрима. Но некоторые из селян думали иначе. Одна из женщин, после

рассказов детей сделавшая какие-то свои выводы, закричала визгливым голосом:

— Она ведьма! Чёрная ведьма! Недаром же её даже короты испугались. Её надо прогнать из деревни, а лучше — сжечь!

Эта женщина оказалась не одинокая, её поддержало несколько селян. И ещё не толпа, но уже достаточное количество людей надвинулось на Суриму, пытавшуюся прикрыть Листвяну. Дрима, вставшего на пути у своих односельчан, просто отодвинули в сторону. Между разгорячёнными селянами и Суримой встала Магда:

— Да, пусть Листвяна ведьма! Я ведь тоже ведьма, так почему вы меня не пытаетесь сжечь?

— Ты наша ведьма, а она чёрная! — закричала та же женщина, сразу обвинившая Листвяну и теперь протягивающая руки, словно собиралась забрать девочку у Суримы. Магда решительно её оттолкнула:

— Она еще маленькая, пусть и сильная, но маленькая! Но постоять за себя может! Какой ведьмой она станет, зависит от вас! От вашего отношения к ней, подумайте люди! Только от вас зависит — кем она станет! Будет творить зло или добро!

— Отойди, Магда! — произнёс человек в длинном одеянии и, подняв руки к небу, провозгласил: — Ведьма — прислужница Тофоса и

должна гореть в огне! Так говорит светлый Ирха!
На костёр ведьму!

Несколько рук сразу потянулись к Суримае, пытаясь забрать у неё девочку, а жрец продолжал говорить:

— Отдай исчадьё Тофоса, Сурима, иначе вместе с ней пойдёшь на костёр! А ты, Магда, отойди в сторону, за твои дела тебя ещё постигнет справедливая кара!

— Опомнитесь, люди! Что вы делаете! В чём виновата Листвяна?! В том, что спасла ваших детей?! — закричал Дрим, но его не слушали, а жрец, ещё больше возбуждая толпу, подняв руки, провозгласил, словно читая проповедь:

— Ведьма должна гореть! Только очистительный огонь способен разогнать мрак тёмного Тофоса! Покайтесь и смиренно примите волю Ирхи! — повернувшись к стоящим отдельной группой вокруг Суримы Зуру, Дриму и Магде, жрец грозно изрёк: — Вы, подобравшие ведьму, покайтесь и смиритесь! А ты, Дрим, недостойный быть старостой деревни!

Сурима теснее прижала к себе обмякшую и неподвижную приёмную дочь. Дрим непроизвольно стал нащупывать несуществующий у него меч, а Магда начала что-то шептать. Только Зур стоял неподвижно, обнимая и поддерживая жену. А жрец продолжал, сначала обратившись к этой группе, а

потом к остальным жителям деревни:

— Покайтесь и смиритесь! Хватайте ведьму, добрые люди, в костёр её!

Руки нескольких селян, пытавшихся схватить девочку, только коснулись её, как она открыла глаза, что-то в них было такое, что люди отшатнулись, осеняя себя знаком Ирхи, знаком, отгоняющим демонов Тофоса. Девочка встала на ноги и сняла платье, отдавая его Суримае, сказала:

— Возьми, а то сгорит, жалко будет.

Женщина машинально взяла платье Листвяны и глянула на горящий у ворот костёр. Он всегда горел у ворот деревни, такие костры горели и у малых калиток, в случае опасности огонь можно было сдвинуть на место выбитых ворот или калиток. Сломать ворота мог большой зверь или особо огромная нежить, если звери и нежить были поменьше, их можно было отогнать, бросая горящие палки, выхватываемые из костров. Большой зверь, стоя таких зверей могли пробить магический защитный круг, а ворота и калитки были самым уязвимым местом в ограде. Суримае поняла, что девочка хочет сделать, и заголосила. Листвяна обняла её, сказав: «Не плачь, мамочка, со мною ничего не случится», шагнула в костёр.

Бьющуюся в истерике Суримае с трудом удерживали Зур и Дрим. Женщина кричала:

— Она назвала меня мамой! Первый раз

назвала! Она спасла ваших детей! А вы её...
Нелюди! Будьте прокляты!

Люди виновато переглядывались, ведь и правда — Листвяна ничего плохого никому не сделала, защитила детей от хоротов, а они... А девочка поступила самоотверженно и благородно, понимая, что обвинить в ведовстве могут и её приёмных родителей, сама шагнула в костёр, принимая мученическую смерть! Жрец, увидев перемену в настроении селян, закричал:

— Ирха вразумил ведьму, и она сама решила очиститься в священном пламени! В благословенном пламени, которое противостоит холоду и мраку владений Тофоса! Да сбудется воля светлого Ирхи! Несите же хворост, бросайте его в огонь и пусть очистившаяся душа ведьмы вознесётся на суд к Ирхе!

Люди, поддавшись влиянию жреца, стали носить хворост и бросать его в огонь, радостно принимающий эти подношения и поднявшийся выше деревенской ограды. А жрец обратил внимание на Дрима, продолжавшего вместе с Зуром удерживают Суриму:

— Ты недостоен быть старостой, вместо тебя теперь будет Грум! Подойди сюда, мой мальчик, и получи благословение светлого Ирхи. Люди! Отныне староста Больших Трав благочестивый Грум!

— Вот так просто, без выборов... — тихо пробормотал Дрим, но жрец его услышал и, указывая пальцем на уже бывшего старосту, прокричал:

— Молчи, нечестивец! — затем палец жреца переместился на сжавшегося Зура, и служитель Ирхи, вынес ещё один приговор: — Нечестивцы, приютившие ведьму, тоже должны быть преданы костру. Но Ирха в своей безграничной милости оставляет им жизнь, дабы они смирением и покаянием искупили свою вину! Зур и Сурима будут изгнаны из Больших Трав, а их имущество отойдёт храму!

Жрец многозначительно посмотрел на Грума, и тот важно кивнул:

— Да будет так! Изгнаны будут Зург, Сурима и их домочадцы. Уйти должен и Дрим, его имущество также отходит храму.

— Лихо одним махом от конкурента новый староста избавился, заодно храм чужое добро получил, — хмыкнула Магда, чем обратила внимание жреца на себя, теперь палец служителя Ирхи был наставлен на знахарку:

— Ведьма Магда, тоже должна быть сожжена!

— Костёр-то занят, где жечь будете? — ехидно спросила знахарка, не выказывая страха. Жрец на мгновение растерялся, но быстро опомнился и злобно закричал:

— Ведьма Магда заслуживает немедленной смерти! Немедленной! Так не будем же мешкать, побьём её камнями! Несите камни!

Люди кинулись кто куда и вскоре стали возвращаться, держа в руках камни разных размеров. Магда побледнела и попыталась отойти от Зурга и Суримы, которую до этого пыталась утешать. Но знахарку удержал Дрим:

— Пусть попробуют бросить, хватит ли у них смелости и совести.

— Хватит, зачем вам вместе со мной умирать? — ответила Магда, Дрим усмехнулся:

— Изгнание из деревни — верная смерть. Если бы в другое время, то была бы возможность добраться до города, но сейчас... Ещё две стаи коротов где-то неподалёку.

И словно подтверждая эти слова, раздался тоскливый вой.

Пока жрец отвлекал внимание людей своими гневными речами, никто в костёр ничего не подбрасывал, а хворост прогорает быстро, и когда пламя стало намного меньше, селяне вместо обгоревшего тела увидели невредимую девочку, свернувшуюся клубочком в самой середине костра так, как будто она спала, при этом девочка улыбалась.

— Листвяночка! — снова закричала Сурима, девочка, а может, это был просто морок — ведь в

огне никто не уцелеет, словно услышала — открыла глаза и потянулась. Потом села и стала протирать глаза, как ребёнок после сладкого сна.

— Листвяночка! — снова закричала Сурима, пытаясь вырваться из рук мужа и сельского старосты. Девочка встала в догорающем костре и, глядя на замолчавшего жреца, сообщила:

— Холодно стало! Уже не греет!

Огонь есть огонь, и он независимо от того, какое пламя большое или маленькое, всё равно жжёт! Да и как, вообще, может быть, что пламя не то что жечь, греть перестало? Люди, забыв то, что хотели сделать, с недоумением и даже страхом смотрели на костёр и на девочку. Не столько на костёр, сколько на Листвяну. Первой опомнилась Магда, громко и обличительно закричавшая, указывая на жреца:

— Священный огонь Ирхи не греет! Не потому ли, что среди нас слуга Тофоса?! Нечестивец, смущающий нас лживыми речами? Тот, кто хотел предать лютой смерти ребёнка, спасшего ваших детей? Но милостивый Ирха не позволил совершиться злодейству и явил нам чудо! Священный огонь (а как ещё можно назвать это очистительное пламя?) не тронул Листвяну!

Люди внимательно слушали свою знахарку, пожалуй, даже внимательнее, чем жреца перед этим. Сурима, воспользовавшись тем, что внимание

Зурга и Дрима отвлекла Магда, вырвалась из рук мужчин и выхватила свою приёмную дочь из костра. Хоть огонь уже и был слабый, но он должен был обжечь женщину и поджечь её одежду, но этого не произошло. Сурина обнимала девочку, причитая при этом:

— Листвяночка, доченька, ты не обожглась? Как ты себя чувствуешь?

— Нет, мама, не обожглась, только замёрзла.

Люди замерли, на их глазах произошло если не чудо, то что? Даже жрец утратил своё красноречие, только недоумённо глядел на обнимающихся Суриму и её дочь. А вот Магде произошедшее будто придало сил, и она снова закричала, продолжая указывать на жреца:

— Вот! Вот кто настоящий слуга тёмного Тофоса! Притворяется служителем светлого Ирхи, а сам делает своё чёрное дело! Уж не он ли причина бед, свалившихся на нашу деревню в последнее время? А хороты? Не он ли их подманил и натравил на наших детей? Только не удалось ему это чёрное дело, Листвяна не дала детям погибнуть? Тогда он решил сжечь эту отмеченную светлым Ирхой девочку, но Ирха заступился за неё и явил нам чудо! Я не удивлюсь, что у этого нечестивца, появятся отметки Тофоса, заиндевеют усы и борода!

При этих словах Магда скосила глаза в

сторону Листвяны и многозначительно поглядела на девочку, та улыбнулась — и у жреца усы и борода не то что заиндевели — превратились в сосульки! Сосульками стали усы и длинные волосы! Магда, словно обрадовавшись, обличительно закричала:

— Вот, кто настоящий слуга Тофоса, он и должен...

Что должен жрец, Магда сказать не успела, в лукавого служителя Ирхи полетели камни. Гнев толпы, который он так старательно готовил, стараясь направить на Магду, обратился против него самого. Люди старательно забрасывали его камнями, меньше чем через тридцать секунд всё было кончено. Грум, видя, что случилось с его дядей, постарался улизнуть, пока гнев людей не обратился и против него. Приоткрыв ворота, он выскользнул за ограду. Но, видно, далеко не ушёл, раздалось победное рычание, перешедшее в вой. Раздвигая створки ворот, появились головы коротов, щёлкающих большим зубами.

— Они пробili защиту! — слышались панические крики. Дрим закричал:

— Бросайте в них... — он хотел сказать — горящие ветки, но осёкся, костёр догорал, а ветки и заготовки факелов для метания сожгли, когда пытались расправиться с ведьмой. Отбиваться от коротов было нечем, и стая лесных зверей вот-вот

хлынет в деревню, чтобы напасть на растерявшихся людей. Сурина, державшая на руках Листвяну, стояла ближе всех к воротам, так как она находилась у потухающего костра, а он был у самых ворот, девочка и её мать должны были стать первыми жертвами хищников, но этого не произошло. Листвяна протянула вперёд свои ручки, и сорвавшийся с её ладошек огонь вымел коротов за ворота. Дрим бросился к воротам и закрыл их, потом подхватив чей-то брошенный арбалет, поднялся на стену. Бревенчатая изгородь не была преградой для серо-коричневых хищников, их когти позволяли им не только взбираться на деревья, но и на деревянные стены. Глянув вниз со стены, Дрим присвистнул от удивления, то же проделали и несколько мужчин, поднявшихся вслед за ним — почти вся стая, и немаленькая, лежала перед воротами в виде обугленных туш, только два зверя, повизгивая, убегали, уже преодолев значительное расстояние, было видно, что и им досталось.

— Огненная ведьма, — прошептала Магда, тоже поднимаясь на стену, но сделала это так, чтоб слышал только Дрим.

На центральной площади деревни Большие Травы (если это можно назвать площадью) собрались женщины с вёдрами. Они пришли к

общественному колодцу по воду. Вообще-то колодцы были в каждом дворе, и воду можно было набрать там, но разве у своего колодца поговоришь с соседками? Обсудишь последние события? Поделишься свежими новостями? Вот и сейчас собравшиеся у колодца женщины что-то активно обсуждали.

— Наверное, о нас говорят, — сделала предположение Листвяна, вместе с Магдой наблюдавшая за собранием у колодца. Магда улыбнулась и согласно кивнула:

— О ком же ещё так долго говорить можно? Последние две недели только об этом и говорят, никак не могут выяснить: ведьма ты или святая?

— Ага, — кивнула девочка и предложила компромиссное решение этой животрепещущей проблемы: — Ты им скажи, что я святая ведьма, и пусть они уже успокоятся.

Магда внимательно посмотрела на Листвяну, сельская знахарка и сама до сих пор не могла определить — кто же такая Листвяна. Всё указывало на то, что девочка — огненная ведьма, но огненные ведьмы не любят воды, не боятся, а именно не любят. А Листвяне нравилось плескаться, и она могла долго лежать под водой, явно получая от этого удовольствие. Да и с русалками, как уже знала Магда, девочка дружила, они её принимали как свою, а такого просто не

могло быть, если Листвяна огненная ведьма! А знание трав и растений и их целебных свойств? Магда взялась обучать Листвяну этой науке, но скоро убедилась, что девочка может её самому многому научить. А такие знания у ребёнка указывали на родство с лесным народом: — дриадами, мавками, лешими, кикиморами... Хотя вряд ли с последними, девочка была рыжей и довольно симпатичной. Красивой ли? Об этом рано говорить, Листвяна ещё маленькая, и если красива, то как симпатичный ребёнок. Лёгкий ветерок слегка растрепал рыжие волосы девочки, хотя куда уж дальше растрёпывать эту непокорную копну, приоткрыв чуть заостренное ушко. Эти ушки могли указывать на родство девочки с эльфами, а слегка заострённые зубки — опять же на родство с лесным народом! Но огонь несовместим с жителями леса! Магда вздохнула — она опять запуталась в своих рассуждениях и попытках понять, кто же такая Листвяна? На прямой вопрос девочка раньше пожимала плечами — видно, и сама не знала. Теперь же с гордостью отвечает — я мамина! А вот Зура Листвяна по-прежнему не называет отцом, а только по имени. Листвяна прервала размышления Магды, задав вопрос, указывая на женщин у колодца:

— Магда, а почему они хотели меня сжечь, а маму прогнать? Ведь они совсем не злые, вон

Сурита меня всегда молочком угощает, а тогда со всеми кричала, что я чёрная ведьма, а я совсем не ведьма! Ни чёрная, ни зелёная, ни даже огненная, как ты думаешь.

Знахарка прежде чем ответить быстро взглянула на девочку, недавно Магда подробно рассказала Листвяне о ведьмах, объяснив, какие они бывают и чем друг от друга отличаются. Девочка очень внимательно слушала и, видно, все эти признаки примеряла к себе. Похоже, Листвяна действительно не знает, кто она такая, а сделав выводы из рассказа Магды, решила, что она точно не ведьма. Знахарка снова задумалась, но встретившись взглядом с терпеливо ждущей ответа девочкой, стала объяснять:

— Милые люди и добрые соседи, тебе кажется, что они тебя уважают и даже любят, но собравшись в толпу... Толпа — это многоголовый дикий зверь, жаждущий твоей крови, которого очень трудно остановить. Потом, когда наваждение пройдёт, люди, может быть, и пожалеют о содеянном, но пока они толпа...

— И ничего нельзя сделать? Успокоить, объяснить? — спросила Листвяна, широко распахнув свои и без того большущие зелёные глаза.

— Можно, — усмехнулась Магда, — подсунуть вместо себя другую жертву. Толпа такой

зверь, что пока не напьётся крови, не успокоится.

Листвяна кивнула и задумалась, видно, вспоминая недавние события, при этом её глаза потемнели, став почти чёрными. А Магда могла бы рассказать, что это не первый случай, когда её хотели побить камнями, но не стала этого делать, а предложила:

— Пошли к колодцу, нас уже заметили, и если будем тут долго стоять, то могут заподозрить, что мы замыслием что-то недоброе.

— Ага, — кивнула девочка и высказала предположение: — Тогда они превратятся в толпу?

Магда, ничего не ответив, пошла к колодцу, увлекая девочку за собой, там со всеми поздоровавшись, сообщила:

— Мы с Листвяной пришли набрать воды для лекарственного зелья. Нужна вода именно из этого колодца.

— Ага! — подтвердила девочка. Одна из женщин, Хурита, делая умильное выражение лица, засюсюкала (насколько это можно делать визгливым и скрипучим голосом), обращаясь к Листвяне:

— Какая ты хорошенькая и как нарядно выглядишь... — начала говорить и осеклась под пристальным взглядом девочки, другая женщина обратилась к Листвяне как к равной:

— Спасибо тебе, после того как ты вылечила

мою козочку, она стала молока давать почти вдвое больше и вкусное какое! Заходи, ещё угощу.

Девочка важно кивнула, а женщина продолжала:

— Давай, я налью тебе воды из своего ведра, зачем вам с Магдой время тратить, набирать из колодца? Я-то себе ещё наберу, мне не в тягость. А для кого вы будете лекарственное зелье готовить? Вроде никто не захворал и скотина у всех здорова.

— Для Галлы, — кивнула семилетняя (может, шестилетняя или даже пятилетняя, уж очень у неё был мал рост) девочка и солидно, словно была взрослой, продолжила: — Ты же знаешь, она маленькую ждёт. А роды — дело серьёзное, хочу, чтоб они легко прошли, вот и готовлю для неё зелье, что снимает боль.

— А откуда ты знаешь, что будет девочка? Ведь ты сказала — маленькую ждёт! Не маленького, а именно маленькую! — быстро отреагировала на слова Листвяны Хурита. Девочка пожала плечами и сказала как само собою разумеющееся:

— Так это же видно!

Знахарка и её ученица скрылись из виду, а женщины ещё долго смотрели им вслед, Хурита первой нарушила молчание:

— Ведьма она, ведьма! Клянусь и Ирху в свидетели призываю!

— Так Магда же сказала, что нет, — возразили ей, но переубедить Хуриту было трудно. Она заявила:

— Магда тоже ведьма! Вот она эту малявку и покрывает! Они обе чёрные ведьмы!

— Ты вспомни, как Листвяна хоротов у ворот жгла! — возразила Сурита, женщина, у которой девочка вылечила козу. — Чёрная ведьма огня боится и лечить не умеет, а ты вспомни, скольким Листвяна помогла и это без помощи Магды!

— Притворяется, — безапелляционно заявила Хурита и, подхватив свои вёдра, собралась уходить, потом повернулась к владелице вылеченной козы, прошипела: — Сдохнет, Сурита, твоя рогатая, вот увидишь, сдохнет! Потому что девчонка — ведьма!

— Чтоб твой язык отсох! — не выдержала Сурита. — Никакая она не ведьма!

— А вот приедут из города новый жрец и маг разбираться, почему жреца камнями побили, так всех на чистую воду выведут, все по заслугам получите! Ждите, скоро приедут! — оставила за собой последнее слово Хурита.

Глава 3. Некоторые особенности освещения и отопления

Сэр Мариит задумчиво смотрел в окно на главную площадь, если так можно назвать это

место, деревни Большие Травы. Там, у колодца, толпились местные жительницы, пришедшие не столько по воду, сколько обменяться последними новостями и посплетничать. Мариит, командир орты, приданной к магу Иратону и жрецам Гудыму и Карту, уже давно смотрел в окно, краем уха слушая разговор, что вели члены комиссии по расследованию. Комиссия в составе мага и двух жрецов была прислана, чтобы разобраться со странной смертью местного служителя Ирхи, которого прихожане забили камнями, а тридцать всадников орты Мариита была та сила, что придавала этой комиссии вес (и должна была обеспечить исполнение приговора, если он будет вынесен).

— Побитие жреца Ирхи камнями — такой проступок, который обязательно должен быть наказан! — горячился младший жрец Карт, его можно было понять — ведь это он должен остаться жрецом местного храма, поэтому был кровно заинтересован в том, чтоб не повторить судьбу своего предшественника. Сэру Марииту совсем не хотелось проводить карательные действия в этой деревне, это не центральные районы королевства, где жители относятся к закону и его представителям (да и жрецам Ирхи) с должным почтением. Это, можно сказать, опушка проклятого леса, а здесь люди больше полагаются на себя и на

соседей, чем на официальные власти, которые могут и не успеть прийти на помощь (да и сил у властей не было, чтоб откликаться на все такие просьбы). И к жрецам, да и к самому Ирхе, здесь особое отношение, четверть жителей, а может и треть, — полукровки, значит, нечисть в представлении храма. Судьба местного жреца — наглядное тому подтверждение, разве могло такое произойти в центральных районах королевства? А молодой жрец продолжал кипятиться:

— Все! Все, кто участвовал в этом святотатстве, должны быть наказаны! Примерно наказаны!

— Боюсь, что если мы это попытаемся сделать, то не выберемся из деревни живыми, — возразил старший жрец, а сэр Мариит пояснил:

— То, что у местных жителей не видно оружия, а именно мечей, ещё не о чём не говорит. У них у всех ножи, не уступающие в длине малому мечу, и владеют они ими виртуозно. Да и если мы сделаем попытку устроить показательное наказание, нас расстреляют издали, здесь в каждом хозяйстве есть арбалет, а то и несколько.

— Но владение таким оружием простым селянам запрещено королевским указом! — недоумевающе произнёс Карт, видно, слова рыцаря, как человека знающего местную обстановку, на него произвели впечатление. Младший жрец

растерянно посмотрел на своего старшего товарища, тот только кивнул, то ли подтверждая слова рыцаря, то ли осуждая нарушителей королевского указа. А сэр Мариит продолжил просвещать младшего служителя Ирхи:

— Да, я ознакомлен с эдиктом храма о нечисти. Но если ему следовать, то придётся сжечь половину местных деревень, а некоторые даже целиком. Тут полукровок четверть жителей, если не больше. Я вам уже об этом рассказывал, ну и кто после такой решительной борьбы с нечистью налоги платить будет? Постарайтесь поладить с местными, они, несмотря на своё происхождение, не менее благочестивы, чем жители центральных районов.

Молодой жрец, недавний выпускник жреческой школы, совсем растерялся и, ища поддержки, посмотрел на старшего жреца, а тот подтвердил слова рыцаря:

— Местные селяне намного благочестивее живущих в центральных районах, знаете ли — обстановка обязывает...

— Но камнями!.. — не мог успокоиться Карт. Гудыма улыбнулся хорошо отработанной отеческой улыбкой:

— Вот для этого мы сюда и приехали, чтобы разобраться, какую ошибку допустил наш несчастный брат...

— Он хотел сжечь ведьму! Вот показания свидетелей! — потрясая пачкой исписанных листов, почти закричал младший жрец. Его старший товарищ и рыцарь только улыбнулись в ответ. Гудыма, продолжая улыбаться, спросил:

— Мы ознакомлены с этими показаниями, селянка Хурита очень подробно описала события и не только эти. Из её слов выходит, что почти все женщины селения — ведьмы. Знаете, что мне это напоминает? Когда вор кричит громче всех — держите вора! Надо бы её первую проверить!

— До неё тоже очередь дойдёт, а пока посмотрим на главную обвиняемую, — подал голос маг Иратон, показывая за окно, там по площади шла уже немолодая женщина, державшая за руку рыжую девочку. Ухмыльнувшись, маг добавил: — Такая маленькая, а уже ведьма.

— Вы действительно так считаете? — осторожно поинтересовался сэр Мариит, глядя на ухмыляющегося магистра, тот, стараясь не сильно растягивать улыбку, кивнув в сторону Карта, продолжавшего держать пред собой исписанные листы, произнёс:

— У меня трясутся коленки и дрожат руки, когда я вижу эту опасную и страшную ведьму!

— Но ведь её пытались сжечь и она не сгорела! — выкрикнул младший жрец. Маг продолжил ёрничать:

— Какой ужас! Её жгли, а она не захотела гореть! Что же она там в костре делала, когда её жгли?

— Она спала! — с надрывом привёл последний довод младший жрец, маг ухмыльнулся ещё шире:

— Это уже не ужас, это кошмар! Она проспала своё сожжение! Недопустимая наглость! Вместо того чтоб сгореть, она спала! Наверное, ещё и сны видела!

— Вы можете это объяснить? Почему эта девочка в огне не горит и в воде не тонет? — старший жрец кивнул в сторону листов бумаги, что держал обескураженный его младший коллега. Маг, продолжая улыбаться, но при этом монотонным голосом, словно объясняя что-то давно всем известное, начал говорить:

— У девочки проявились способности, не ведьмы, как тут некоторые утверждают, а магические! К тому же я уверен, что эта девочка полукровка, а это накладывает на проявления её способностей некоторые особенности. Как вы знаете, сжечь, к примеру, боевого мага очень трудно, обычного костра будет недостаточно...

— Но боевой маг не будет спать в костре! — взвизгнул младший жрец, маг с укоризной на него посмотрел:

— Вы начинаете возражать, не дослушав

аргументы, которые вам приводят. Похоже, вы не совсем усвоили тот обязательный курс магии, что вам должны были читать в жреческой школе. Огневушки и их дочери вполне могут спать в обычном костре, подобно огненным саламандрам, но вот удар огненного заклинания боевого мага для них, как и остальных людей, смертелен. А то, что это девочка, только подтверждает её родство с огневушками. Вы должны знать, что полукровки мужского пола не обладают такими способностями.

— Но она и в воде не тонет, огненная нечисть воды не любит! Вот, есть показания других свидетелей, а не этой селянки, — продолжил возражать жрец, не желая сдаваться под натиском аргументов мага, тот пожал плечами и с тем же спокойствием продолжил:

— Не любит, это не значит, что боится, а если любит, то возможно, у её кровь не только огневушки, но и русалки. Скорее всего, так и есть.

— Но это же нечисть! — не сдавался младший жрец. В этот момент в дверь постучали и, получив разрешение, в комнату вошла женщина, которая шла через площадь. В её широкую юбку вцепилась девочка лет пяти, может, шести. Хотя скорее пяти — уж очень она цеплялась за юбку своей матери так, как это обычно делают испуганные маленькие дети, те, что постарше, храбрятся, стараясь выглядеть взрослее.

— Как тебя зовут, девочка? — как можно более ласково спросил старший жрец, девочка, не поднимая глаз, тихо ответила:

— Листвяна.

— И кто же дал тебе такое красивое имя? — продолжил спрашивать жрец, девочка подняла на него свои большие зелёные глаза, и жрец вздрогнул — было что-то в этих глазах такое, совсем недетское. Так может смотреть человек, да и не только человек, любой разумный, много переживший на своём веку. Девочка своим недетским взглядом посмотрела на растерявшегося жреца и так же тихо, но при этом совсем без того страха, который должен испытывать ребёнок её возраста при виде чужих людей, ответила:

— Мама, кто ещё может дать такое красивое имя?

Гудым смутился, уж очень резкий переход сделал этот ребёнок от детского испуга до почти взрослой уверенности в своих силах. Девочка, казалось, поняла, что так смутило жреца, и теперь смотрела на него без страха и даже с вызовом. Это не укрылось от мага, он улыбнулся и взял инициативу разговора на себя:

— Листвяна — красивое имя, а если ласково, то Листвяночка, так?

— Ага, — ответила улыбающаяся девочка, а маг задал следующий вопрос:

— А почему не Огнёвочка? Ведь ты огонёк можешь сделать?

— Ага, могу, — ответила Листвяна и на её ладошке, протянутой к магу, заплясал огонёк. Маг многозначительно посмотрел на своих товарищей по комиссии, а девочка, подняв брови, словно удивляясь непонятливости взрослых, объяснила ещё раз: — Листвяна, потому что меня так мама назвала.

Огонёк продолжал свой танец на ладошке девочки, Иратон, чуть скосив глаза на младшего жреца, спросил у Листвяны:

— А почему у тебя такой маленький огонёк, а больше ты его сделать не можешь?

Тугой факел ударил в потолок, маг отшатнулся, спасаясь от огня. Жар от пламени, созданного девочкой, почувствовали оба жреца, почувствовал и сэр Маррит, хоть стоял дальше всех — у окна. Пламя, упёршись в потолок, грозило если не прожечь его насквозь, то поджечь наверняка.

— Хватит! Хватит! — замахали руками оба жреца, их поддержал маг:

— Достаточно, Листвяна, спасибо, спасибо за то, что показала мне такой замечательный и красивый огонь!

— Ага! — гордо произнесла девочка, было видно, что ей приятна похвала мага. Огонь исчез, но не сразу пропал, а словно втянулся в ладошку

девочки. Младший жрец быстро спросил:

— А вот так холод сделать ты можешь? — видя, что девочка не поняла, он уточнил: — Чтоб было холодно и чтоб вокруг лёд и иней был.

Листвяна задумалась, смешно наморщив бровки, а потом вытянула руки вперёд, чуть их разведя. Между её ладонками несколько раз проскочил разряд молнии, а потом молния словно зависла, извиваясь и потрескивая. В комнате запахло грозой и стало жарко, словно только что протопили печь.

— Хватит! Хватит! — теперь замахал руками маг и сказал, повернувшись к младшему жрецу: — Ваши попытки доказать, что жрец этой деревни был околдован каким-то местным магом, просто смешны и наивны! Здесь не может быть мага такой силы, чтоб мог подавить, то святое могущество, что дарует светлый Ирха своим верным слугам! Это не под силу даже не мэтру — архимагу! А вы подозреваете сельскую знахарку и ребенка, у которого способности только начали проявляться! Мало того, вы можете лишиться своего дома, ведь вам тут жить. Девочка, как видите, ещё не умеет толком контролировать свои способности и сожжёт ваше жилище, хорошо если только его, а не вместе с храмом.

— Надо сказать, совсем не слабые способности, — произнёс старший жрец, глянув

вверх, в том месте, куда бил факел, созданный девочкой, потолок обуглился на значительную глубину, что было хорошо видно. Слова старшего жреца словно подстегнули Карта, и он спросил у девочки:

— Ну, а там, у ворот, почему ты сделала большой огонь?

— Так короты же через защитный круг прорвались! А мама к воротам ближе всех стояла! Короты на маму напали бы! — резко ответила девочка, возмущённая таким глупым вопросом. Младший жрец быстро задал следующий коварный вопрос, при этом повысил голос, стараясь напугать или запутать девочку:

— А зачем ты жреца заморозила? Ты же к нему ближе всех стояла. Кроме тебя этого сделать никто не мог!

Листвяна без всякого страха, удивлённо посмотрела на жреца и сообщила:

— А он сам замёрз, сначала зарычал, а потом замёрз. Сильно зарычал! Как будто укусить хотел!

Старший жрец и маг переглянулись, а младший растерялся, видно, ожидал, что девочка растеряется от его вопроса, заданного грозным голосом, и начнёт сама признаваться во всех грехах. Карт понял, что от своего коллеги и мага помощи не дожждётся и, набрав воздуха, собрался снова кричать на девочку, но тут подала голос

женщина:

— Ты чего это на ребёнка напустился! Сам твой жрец замёрз! Потому что Тофосу продался, от светлого Ирхи отвернулся, вот на него кара и сошла! А ты, — продолжала наседать на жреца женщина, задвинув свою дочку себе за спину, — ты кого слушал? Хуриту? Так она наврёт тебе с три короба, а ты и рад записывать, ишь сколько написал!

Женщина ткнула пальцем в листы бумаги, что продолжал держать жрец, а сэр Мариит, невозмутимо наблюдавший за разворачивающимися событиями, сообщил:

— Здесь, несмотря на дикость этих мест, большинство жителей грамотны. И то, что вы записывали показания опрашиваемых, для них не было чем-то особенным. Могу предположить, что многие из них прочитали то, что вы записывали. И не только записываемое, а и то, что было записано раньше, ведь ваши листы были свободно разложены.

— Но я же должен был сверять показания, дабы поймать на неточностях и уличить... — растерянно начал оправдываться Карт.

— Уличили, скорее всего, вас, эта женщина прочитала то, что у вас написано на том листе, — усмехнулся старший жрец, показывая на исписанные листы, что держал в руках его младший

коллега, — получилось, что поймали вас. Имя и первую строчку я тоже могу прочесть, даже отсюда. Если вы собираетесь сверять показания допрашиваемого с ранее полученными, прячьте свои записи, а не размахивайте ими.

— Так секретаря же нет, приходится всё делать самому, — с некоторой обидой произнёс Карт, маг усмехнулся:

— Привыкайте. Здесь не центральные районы, где вы проходили стажировку после жреческой школы. Кстати, а где вы её проходили?

— В центральном храме Азорды! — гордо ответил младший жрец, его старший товарищ и маг переглянулись, Иратон сделал это очень многозначительно, а Гудым только усмехнулся, это он и так знал. В центральном столичном храме у каждого жреца было по два, а то и по три секретаря и ещё не меньше четырёх соискателей на это место, пребывающих в ранге помощника. Там могли одного такого помощника выделить жрецу-практиканту, временно повысив до секретаря (чтоб не обижать будущего служителя храма).

— Привыкайте, — повторил маг, — здесь приходится всё делать самому. От ваших успехов будет зависеть карьера, можете здесь застрять надолго — как ваш предшественник, если не ошибаюсь, он уже третий десяток лет здесь служил.

Может потому, что карьера не удалась, и поддался соблазну, Тофос, знаете ли, искушать умеет!

Иратон произнёс это с таким знанием дела, будто он лично участвовал в искушениях, что творил тёмный Тофос. Но тон, которым это было произнесено, не помешал магу благочестиво поднять глаза к обгоревшему потолку, его примеру последовали оба жреца и рыцарь. Сурима тоже подняла глаза и задрала голову, но не от большого благочестия, а посмотреть — что же эти знатные господа там увидели. Девочка, воспользовавшись всеобщим благочестием, высунулась из-за матери и показала младшему жрецу язык. Сэру Марииту благочестие не помешало это заметить, и он погрозил девочке пальцем, но это не остановило маленькую шалунью, она выдула белый пузырь, который поднялся к потолку и прилип там, в самом центре выжженного пятна. При этом шар немного светился и тихо гудел. Жрецы, маг и рыцарь теперь тоже задрали головы, разглядывая, что же это такое. Первым опомнился маг, глянув на своих товарищей по комиссии, спросил:

— Что же это может быть?

— Это у вас спросить надо — что это? — обращаясь к магу, ответил вопросом старший жрец. Младший промолчал, только испуганно таращил глаза, шар, хотя и был белым, очень напоминал боевые пульсары. Сэр Мариит, видевший, что это

сделала девочка, строго спросил у неё:

— Это что?

— Камилястра! — гордо ответила девочка.

— Что-о-о?! — в один голос произнесли жрецы и маг.

— Дрим рассказывал, что в больших домах, где едят и пьют, под потолком висят такие лястры, которые свет дают. Обычно в них свечи стоят, но бывают и такие, что сами по себе светятся, — пояснила малышка.

— Люстры, — первым сориентировался старший жрец и, посмотрев на шар, спросил: — А что такое ками?

— Дрим ещё говорил, что там такие большие печки, в которых открытый огонь горит, по-моему, очень удобно — если хочется погреться, то туда легко забраться. А то в обычной печке такая маленькая дверца, что не протиснешься! — охотно пояснила Листвяна.

— Наверное, она имеет в виду — камин, — сделал предположение маг.

— Ага! — подтвердила девочка. — Дрим так и говорил — камин. Но здесь комната маленькая и такую хорошую вещь негде поставить, а потолок пустой. Но если там, на потолке, сделать камин, то из него дрова выпадать будут, да обычная печка, в которой мы еду готовим, там может не поместиться. Вот я и подумала: пускай лястра не

только светит, а ещё и греет! Правда, здорово! И будет называться — камилястра!

— Видите, она о вас позаботилась, вы начинаете приобретать авторитет. Я бы даже сказал — любовь у ваших будущих прихожан, — усмехнулся маг, кивнув младшему жрецу и указывая на дальний угол комнаты: — Прежний жрец обогревался жаровней, а это неудобно — дрова быстро прогорают, да и греет она не очень.

— Но это же... — попытался возразить Карт, маг не дал ему это сделать: — Вы хотите сказать — всего лишь маленькая девочка? Лиха беда начало, сперва девочка, а там и остальные селяне подтянутся. А вы её хотели обвинить в ведовстве, нехорошо!

Младший жрец спрятал исписанные листы бумаги и, вздохнув, посмотрел на потолок:

— И что же мне теперь делать? Этот шарик так и будет там постоянно светиться?

— Ага, — подтвердила Листвяна и стала объяснять: — Он будет светиться так, как ты захочешь, надо только ему об этом сказать.

— Уважаемая люстра, не могли бы вы не так ярко светить, ведь сейчас день, — произнёс Карт, глядя в потолок, повернувшись к магу и своему старшему товарищу, добавил: — Не находите ли это очень странным — вести беседы с люстрой? Тем более что она не соизволит отвечать или как-то

по-другому реагировать.

— Ты же не ей сказал, надо так — камилястра — меньше! — объяснила девочка, как управлять светящимся шаром, шар потемнел, а затем его свечение погасло, а Листвяна продолжила инструктаж: — Если надо чтоб он грел, то так и надо сказать — камилястра, грей! Если хочешь, чтоб она перестала, скажи ей — не грей! Только каждый раз её надо называть — камилястра. А если сказать второй раз — грей, тогда она сделает теплее, но так лучше говорить, когда совсем холодно.

Шар под потолком, повинуясь командам девочки, светился то ярче, то тусклее. А когда демонстрировались его возможности обогревать, в комнате стало значительно теплее. Возможности шара-камилястры не только Листвяна показывала, а пробовали все присутствующие, кроме Суримы, к ней и обратился маг, пока оба жреца увлечённо командовали чудесным шаром:

— А у вас в доме тоже такие шары под потолком?

— Нет, у нас свечи и даже есть магическая лампа, нам таких шаров не надо, да и не делала их дочка раньше, а вот огонь в печах у нас горит, не угасая, мы только убавляем его до маленького огонька, когда он не нужен. Если у вас больше к нам вопросов нет, мы пойдём? — закончила

женщина свои объяснения вопросом и позвала дочку: — Идём, Листвяночка.

Женщина и девочка ушли, а жрецы, видно, наигравшись с камилястрой, начали задавать вопросы магу.

— Иратон, что вы можете об этом сказать как специалист? — Гудым показал рукой на потолок.

— Эта магическая камилястра не сожжёт дом? А то, знаете ли, жить в храме не совсем удобно, — задал свой вопрос и Карт, его интересовало не как работает созданный маленькой девочкой магический артефакт, а насколько он безопасен. Его сомнения усилил не принимавший в забавах с магическим светильником-печкой сэр Мариит:

— Да, насколько эта штука безопасна? Уж очень она напоминает боевые пульсары, даже гудела очень похоже, а вы же знаете — боевой пульсар крайне не стабилен, может взорваться в любую минуту. У неумелого мага огненный шар не долетает до цели, взрыв происходит раньше.

Старший жрец вопросительно посмотрел на мага, а его младший товарищ, обеспокоенный вновь появившимися опасениями, с недоверием посмотрел на висящий пол потолком тёмный шар (общими усилиями жрецы разобрались как делать, чтоб выключить этот магический светильник). Иратон усмехнулся (его позабавил испуг младшего жреца) и начал объяснять:

— Как вы знаете, любое действующее заклинание состоит из каркаса, его ещё называют плетением. Каркас наполняется силой, степень заполнения заклинания магической энергией зависит от уровня мага. Создать плетение и наполнить его силой может любой одарённый, но только у обученного одарённого плетение будет стабильно, потому что его, как любую, в том числе и не магическую вещь, надо уметь сделать. Обученный маг может создать плетение грамотно, а вот необученный... Такого одарённого и магом не называют, колдуном, чародеем, ведуном, волшебником, названий много и многие из них не отражают суть этой проблемы, а именно, пытающегося производить магические действия необученного одарённого.

Из запутанного объяснения Иратона так и не стало понятно, что же сделала девочка и насколько безопасно, а может, и наоборот, её творение. Старший жрец об этом ему так и сказал, имея очень недовольный вид, маг вздохнул и сказал более конкретно:

— Эта рыжая малышка, кажется, Листвяна, сделала то, что под силу только дипломированному магу, в степени магистра. Но не каждый магистр такое сумеет сделать! Эта девочка построила заклинание и замкнула его само на себя, сделав его практически вечным!

— Но закачанная в это заклинание сила когда-нибудь закончится и оно самораспадётся, хорошо, если это не будет сопровождаться взрывом, как это бывает с боевым пульсаром, — произнёс младший жрец, с опаской посмотрев на такой полезное, но, возможно, опасное заклинание, спокойно висящее под потолком.

— Насколько я понял, это заклинание распадётся, как только закончится та сила, что в него закачала девочка, — подал голос до этого не участвующий в обсуждении проблемы стабильности камилястры сэр Мариит. — А это должно произойти в ближайшее время, ведь размер этого шара не так уж и велик, скорее, наоборот!

— Да нет, в ближайшее время этого не произойдёт, Листвяна, не только замкнула заклинание само на себя — закольцевала каким-то хитрым образом, но и сделала так, что оно берёт силу, необходимую для функционирования, из окружающей магической среды, берёт столько, сколько ему надо для освещения или обогрева именно этой комнаты, не больше, но и не меньше!

— Как я понял, вы увидели принцип работы этого заклинания, но не поняли, как оно работает, не так ли? — теперь улыбнулся старший жрец, в отличие от младшего, рассматривая висящий под потолком серый шар с интересом, а не с испугом. Маг нехотя кивнул, за пространностью своих

объяснений он именно это и хотел скрыть. А Гудым, с прежней улыбкой, предложил: — Почему бы вам не изъять этот артефакт и не увезти с собой? В городе с коллегами, а ведь там есть маги сильнее вас, хотя бы мэтр Иртувиль, вы детально исследуете сей феномен.

— Видите ли, почтенный Гудым, этот шарик неразрывно связан с потолком этой комнаты, мало того, он связан со всей комнатой, так что вырезать участок потолка вместе с шаром не получится. Разве что увезти со всей комнатой, вернее с домом, причём дом придётся везти не разбирая. Но боюсь, что и в этом случае артефакт перестанет работать, ведь этот шар подарен вашему товарищу, и без уважаемого Карта он работать не будет!

— Вы хотите сказать, что для того чтоб исследовать сей феномен, его в Эролт, столицу провинции, надо везти вместе с этим домом и Картом в нём сидящим?

— Было бы неплохо, — улыбнулся маг, — а дом взять вместе с подвалом, чтоб не морочиться с перевозкой заиндевевшего предшественника уважаемого Карта. Ведь его замёрзшее тело, как доказательство того, что он отрёкся от Ирхи и встал на сторону Тофоса, вы должны доставить в Эролт, а потом и в Азорду!

— Боюсь, что тело мы и до Эролта не довезём, это всё-таки триста алл! Оно оттает по дороге и

начнёт разлагаться. Ведь уже давно...

— Не беспокойтесь, — перебил Иратон сэра Мариита, — если оно не оттаяло до сих пор, то и до столицы королевства не оттаяет, в здешнем подвале не так уж и холодно.

— А почему селяне поместили бывшего жреца не в храм, а в подвал его дома? — после некоторой паузы в разговоре поинтересовался рыцарь. Ему ответил Гудым:

— В храм не поместили потому, что не хотели его осквернять слугой Тофоса. К себе в подвал никто из селян брать это тело не хотел. Ну а в дом, где жрец жил... Тем более что дом стоит у самого храма, получается — вроде как у святого места, но не в нём.

— Как же вы будете жить здесь, если местные считают, что оскверняют телом, вернее, уже осквернили этот дом? — поинтересовался сэр Мариит у Карта, тот небрежно отмахнулся:

— А, ерунда, проведу обряд очищения и никаких проблем.

— А возможно и не один, это только добавит брату Карту авторитета, а этому месту святости, — поддержал младшего товарища старший жрец. Обращаясь к магу, Гудым спросил, указывая на потолок: — А что вы думаете делать с этим?

— По прибытию в Эролт напишу рапорт губернатору провинции и докладную записку главе

здешнего отделения старшему инспектору Иртувелю, подобный талант... Я имею в виду девочку, а не этот шар, — усмехнулся маг, тоже показывая на потолок. Став серьёзным, Иратон продолжил: — Девочку надо отсюда забрать! Её надо обучить соответствующим образом, пока её дар не стал опасен для окружающих! Вы это прекрасно знаете!

Оба жреца и рыцарь согласно кивнули. Старший жрец добавил, что он тоже сообщит о найденном таланте по своим инстанциям. Но этого никто из них это сделать не успел: по прибытию в Эролт Гудым получил предписание — срочно направиться в другой город, чтоб возглавить там епархию, а Иратон, не менее срочно, был отозван в столицу. Сборы и хлопоты отодвинули вопрос рыжей девочки магического феномена на задний план. А потом... Гудым если и вспомнил, то решив, что это дело мага, не стал о девочке никому сообщать, тем более что он был от Эролта уже за много алл. Иратон написал докладную о найденной талантливой рыжей девочке, но сделал это уже в столице. Пока его докладная, пройдя все бюрократические процедуры, была спущена в отделение королевской магической службы в Эролте, пока там заинтересовались, девочка исчезла, так же как и её деревня.

Группка детей с корзинками пробежала мимо сидящего на крыльце своего дома Карта. Где-то четверть из ребятишек были рыжими, разной интенсивности рыжины, но Листвяну жрец узнал, её невозможно было не узнать — она была самая рыжая! Дети есть дети, они бежали с криками и громким смехом, самая рыжая не отставала от остальных, но при виде Карта она остановилась и вежливо поздоровалась. Жрец ответил, родители Листвяны были примерными прихожанами и свою дочку воспитывали в верности заветам светлого Ирхи. Зур, Сурина не пропускали ни одной службы, их дочка всегда приходила с родителями, и если остальные дети во время проповедей допускали невнимательность и даже шалости, то Листвяна всегда была очень внимательна и серьёзна. Девочка не только слушала, но и, как заметил однажды Карт, шевелила губами, повторяя за жрецом проповеди, большинство из них Листвяна уже знала наизусть (проповеди были стандартны, жрецы только незначительно их изменяли и дополняли, в зависимости от места и момента).

Карт ответил на приветствие девочки, чем вызвал одобрительное перешёптывание женщин у колодца, жрец уже прослыл не только праведником (всё-таки три обряда очищения своего дома и всей деревни от скверны, оставшейся от прежнего

жреца-отступника), но и очень чутким и отзывчивым, готовым поговорить на религиозные темы с любым обратившимся. Вот и сейчас — можно было ограничиться простым кивком, но жрец нашёл слова ободрения для этого ребёнка, почтительно ему внимавшего. Листвяна побежала догонять своих сверстников, а жрец, состроивший постное и благочестивое лицо, с удовлетворением отметил, как замолкла обычная женская болтовня у колодца и там осеняют себя знаком Ирхи, а некоторые кланяются в его сторону. Всё-таки заслужить за столь короткое время авторитет очень непросто, но Карту это удалось. Отблеск этого авторитета, если можно так сказать, упал и на Листвяну, её уже никто не считал ведьмой, кроме Хуриты, продолжавшей писать кляузы Карту, в надежде раскрыть тому глаза на Листвяну. Надо сказать, доносы были написаны очень хорошо, ведовство рыжей девочки описано очень ярко, хотя почти все доказательства этого были выдуманы. Почему-то подобные кляузники обладают богатой фантазией и пишут свои творения очень грамотно и профессионально, даже с точки зрения выпускника высшей жреческой школы, прослушавшего специальный курс: выявление истины из слухов и сплетен, а также из лживых доносов. Иной донос Хуриты был настолько хорошо написан, что Карт им зачитывался, несколько раз перечитывая и

смакуя отдельные места.

Всё складывалось как нельзя лучше, но прошло уже три месяца, а обещанной магом Иртоном и жрецом Гудымом исследовательской группы всё не было. Если честно говорить, то Карту не хотелось расставаться с волшебным шаром, обогревавшим комнату (всё-таки уже была середина осени и ночи были холодноваты) и дававшим такое освещение, чтоб можно было читать, при этом свет регулировался и был не ярким (не слепил глаза), но и не тусклым, колеблющимся, как от свечи или специального магического светильника. Карт надеялся, что для исследования природы этого заклинания Листвяна сделает ещё одно, а то, к которому он привык, отдавать не придётся. Девочка не откажет в такой услуге, хотя... Она может и не понимает, что это магическое изделие стоит денег и не малых, а вот приезжие маги сразу оценят и просветят юное дарование. Карт вздохнул и посмотрел вслед убежавшему рыжему ребёнку.

Дети шли за ягодами в ту рощу, что образовалась после того, как выгорел участок леса, который распахал Дрим, превращая в новое поле. Дети не ходили в лес, а только вот в такие рощи, всё-таки они были отделены от проклятого леса. На его опушку из чащи мог выйти какой-нибудь зверь

или хищная нежить, а тут была преграда в виде чистого пространства, хоть и иллюзорная, но преграда.

Роща была небольшая и просматривалась насквозь, поэтому дети рассыпались по ней без страха. Тем более что на поле, между рощей и лесом, работало несколько взрослых. Дети собирали ягоды, в таких рощах, которые недавно ещё были лесом, росли особо крупные ягоды. Таких ягод надо с десятков, чтоб наполнить корзинку. А когда корзина наполнена, то почему бы и не поиграть? Но затеять привычную игру в салочки ребягня не успела, с криками ужаса взрослые побежали с поля. Несколько человек, у которых были арбалеты, прикрывали отход, но, словно показывая, что это не сможет остановить зверя, если он своей добычей выбрал кого-то из людей, раздался низкий рык.

— Спасайтесь! Махарра! — закричали детям первые люди, добежавшие до рощи. У некоторых из них были арбалеты, и они заняли позицию, прикрываясь деревьями. Давая возможность добежать до леса тем, кто прикрывал остальных, целясь в огромную саблезубую кошку, вышедшую из леса. Глядя на этого пятнистого зверя, люди понимали, что, даже все разом выстрелив и попав в цель, атаку хищника не остановят. Но зверь, издав ещё один рык, остановился, словно давая людям

время убежать. Дети, сразу побежавшие, как только услышали рычание кошки, уже добежали до охранного круга и, чувствуя себя в безопасности, с любопытством смотрели на зверя, редкая роща не мешала его разглядывать. Люди, воспользовавшись тем, что зверь медлит, тоже побежали под защиту магического круга, а уже там остановились, пытаясь отдышаться. Кошка, словно сожалея об упущенной добыче, издала ещё один низкий, какой-то плачущий рык.

— Все успели убежать? — спросил мужчина с арбалетом у детей, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Листвяны нет! Она за дерево спряталась, наверно, испугалась, — ответил детский голос, другой добавил: — Наверное, так испугалась, что бежать не смогла!

Взрослые переглянулись и посмотрели на кошку, которая уже дошла до рощи, хоть как ни медленно двигался зверь, но через поле успел перейти.

— Пропала девочка, — вздохнул кто-то из взрослых, — кто скажет Суриме, что её дочь погибла?

Ответом было молчание, никто не хотел нести дурную весть женщине, только обретшей долгожданного ребёнка. Зверь снова зарычал, из леса на этот зов выкатилось три мохнатых

клубочка.

— Самка, похоже, раненая. Охотиться не может, вот и пришла к деревне за лёгкой добычей. Одной Листвяны ей и её котяткам будет мало, будет около деревни околачиваться, в надежде ещё кого-то поймать, — произнёс мужчина с арбалетом, что спрашивал — все ли дети убежали? Посмотрев на своих товарищей с оружием, сказал: — Надо Дриму сообщить, пусть людей собирает, надо на эту кошку охоту устроить, сама она отсюда не уйдёт! Пусть Дрим и сообщит Зуру и Суриме, что их дочка...

— Смотрите! — закричал один из малолеток. В роще из-за дерева вышла Листвяна и направилась к зверю.

— Совсем спятила! Прямо в пасть к зверю идёт! — прокомментировал действия один из селян, другой предположил:

— Может, решила — чего тянуть, зверь всё равно найдёт и съест. Ожидание смерти хуже, чем сама смерть, вот она и хочет — чтоб сразу. Смелая девочка, видно, не от испуга убежать не смогла!

Хоть видно было не очень хорошо, деревья всё же мешали, люди увидели, как девочка подошла к зверю. Кошка перестала рычать и стала жалобно, хотя и басом, мяукать, словно на что-то жалуясь, потом легла на брюхо, а девочка стала копошиться у неё между громадных лап. Кошка несколько раз

рыкнула, словно подзывая котят, те мохнатыми комочками покатались и совсем закрыли девочку от взоров людей. Копошение прекратилось, и котята переползли под бок своей матери, девочки перед кошкой уже не было!

— Всё, съели, — выдохнул кто-то. Дети (не все) заплакали (только что на их глазах погибла подружка, погибла страшной смертью — была разорвана и съедена хищным зверем) и побежали в деревню. Кто-то из них, видно, сообщил печальную новость родителям Листвяны, прибежали не только они, но и Дрим и ещё несколько селян с арбалетами. Сурина, не верящая до конца, что ей ненаглядная дочь съедена зверем, заголосила и, не помня себя, выбежала за охранный круг, кинулась к лежащей махарре.

— Куда? — вскрикнул Зур и попытался бросится за женой, но был удержан селянами:

— А ты куда, тоже смерти ищешь? Или решил собой зверя подкормить? Твоя жена, дура-баба, это уже сделала, дочку-то этим не вернёшь!

Люди с удивлением увидели, как обезумевшая от горя женщина добежала до пятнистой огромной кошки и застыла около неё, а зверь даже не сделал попытки напасть на Суриму. Изумление людей было бы ещё больше, если бы они видели, что там происходит. Под боком лежащей и тихо мурлыкающей (опять же басом) кошки лежали три

котенка и Листвяна, все они были заняты важным делом — пили молоко, а кошка время от времени их облизывала. Подняв глаза на Суриму, зверь издал тихий, но угрожающий рык, Листвяна, оторвавшись от своего занятия, строго произнесла, обращаясь к махарре:

— Не рычи! Это моя мама!

Кошка замолчала и, склонив голову набок, стала рассматривать женщину, а потом попыталась лизнуть и её. Селяне, наблюдавшие издали, хоть как им не жалко было Суриму, делали предположения:

— Сейчас она на неё бросится, видишь: на язык пробует!

— Как же бросится, когда лежит!

— Да где лежит, когда стоит! Подошла, застыла, так столбом и стоит, наверное, растерзанную дочку увидела! Бедная Сурима, она так хотела ребёнка, и когда Ирха послал ей дочку — такое горе...

— Да, такое горе. Тут поневоле спятишь, — произнесла одна из женщин, пришедшая вместе с другими селянами, при этом даже всхлипнула, видно, представив себя на месте несчастной Суримы.

— Да не Сурима! Она стоит, а кошка лежит! Не нападает, видно наелась!

— Как же наелась, девочка была маленькая и

худая, такому зверю на один зуб! Там не столько мяса, сколько костей! — высказал свое мнение один из селян, с таким знанием дела, как будто он сам регулярно ел маленьких девочек или участвовал в трапезах больших кошек.

— Тихо! Что будем делать? — задал риторический вопрос Дрим.

— Сурима! — с надрывом произнёс Зур, попытавшийся вырваться из рук его державших и броситься на помощь жене. Один из селян попытался его успокоить:

— Куда! Дурья твоя голова! Им уже не поможешь, а сам погибнешь!

Пока селяне решали, что делать, большая кошка рыкнула, поднялась и пошла к лесу, котята побежали за ней, а к стоящей Суриме присоединилась маленькая рыжеволосая фигурка.

— Как это?! — выразил общее удивление один из селян и спросил с некоторым разочарованием: — Почему зверь их не съел? Ведь должен был, а не съел!

— Сейчас подойдут, тогда узнаем, — произнёс Дрим. Никто не решался идти навстречу приближающимся Суриме и Листвяне, все боялись выходить из-под защиты круга. Только Зур, воспользовавшийся общим замешательством, вырвался из рук его державших и устремился навстречу жене и дочке, добежав до них, начал

обнимать. О чём-то оживлённо беседуя, они оставались вне защитного круга. Селяне вытягивали шеи, стараясь увидеть, что с девочкой, и услышать, о чём там говорят, но выйти за черту, обозначающую круг безопасности, не решались. Дрим решительно сделав первый шаг за черту, замерев на мгновение, переступил её и пошёл к Зуру, Суриме и Листвяне, что-то им сказал, и они все направились к волнующимся селянам. На девочку и её мать сразу же посыпались вопросы — как им удалось спастись? И почему махарра не напала? Листвяна пожала плечами:

— А почему она должна была на меня нападать? Я же ей ничего плохого не сделала. Она у меня помощи попросила. Махарра ещё молодая, неосторожная, повстречалась с игольником, вот и пострадала: у неё передние лапы в иглах были, ей даже ходить больно было, куда уж тут охотиться?

— И ты её?.. — начал один из селян, Листвяна согласно кивнула:

— Ага, подлечила. Сначала иглы вытащила, а уж потом лечила, совсем нетрудно было.

— Но как же так? Ведь игольник ядовитый! Как можно от его яда спасти? — выразили селяне своё удивление.

— Там в роще нужная трава растёт, она яд игольника убирает, вот я и полечила кошку, вы же видели — у неё маленькие были, если бы она

погибла, то и они бы умерли, — ответила Листвяна. Казалось, её удивляет, почему то, что она сделала, вызывает такое изумление селян. Заметив в толпе Магду, Листвяна ей кивнула: — Я тебе эту траву покажу, она в ближних рощах не растёт, только в чащобе.

— Дальний край рощи совсем недавно и был чащобой, — кивнул Дрим, Магда с ним согласилась и попросила девочку:

— Покажешь эту траву? Я и не знала, что есть противоядие от яда игольника, надо будет набрать побольше, пока там эта трава растёт.

Магду и Дрима произошедшее не удивило (а если и удивило, то вида они не подали), а вот остальные селяне заволновались — шутка ли, договориться с одним из самых опасных хищников леса! Уловив общее тревожное настроение, Хурита закричала своим визгливым голосом:

— Ведьма она! Ведьма! Приманила дикую тварь из проклятого леса и натравила на вас и ваших детей! Только чудо спасло...

— Чего ты кричишь, где этот зверь и кто пострадал? — оборвал крики скандалистки Дрим. — Листвяна спасла деревню от махарры, раненый зверь остался бы у деревни и охотился на людей, как на самую лёгкую добычу. А убить его стоило бы немало жизней!

— Вот она его и приманила, чтоб дикий зверь

нападал на жителей деревни! — не унималась Хурита, увидев жреца, она сотворила знак, отгоняющий слуг Тофоса, и закричала ещё громче: — Но светлый Ирха не допустил этого и прогнал мерзкую тварь!

— Ничего она не мерзкая! — вступилась за махарру Листвяна. — Она хорошая, она за помощью пришла! И как бы она нападала на людей, когда у неё в лапах иглы были? Ей и ходить было больно!

— А ведьма её подманила и иглы вытащила, теперь мерзкая тварь будет на людей нападать! — не унималась Хурита, обращаясь к жрецу, завопила, показывая на Листвяну:

— Ведьма она! Я давно это поняла, она всю деревню извести хочет!

— Помогая лечить её жителей и спасая от нежити скотину, — не менее громко, чем Хурита, закричала Магда. Тоже показав на Листвяну, прижимающуюся к Суриме, обращаясь к односельчанам знахарка произнесла: — Ведь многим из вас она помогла? А кому навредила? Скажите, не утаивайте!

В словах Магды была правда, которую невозможно было отрицать. Селяне начали переглядываться — действительно, Листвяна никому не делала зла, а вот помогла многим, почти всей деревне. Ведь у опушки проклятого леса

всякое случается — очень редко, кто умирал своей смертью, а скотина не проживала и половины отведенного ей срока. А за то время, пока здесь жила девочка, не умер никто, хотя несколько человек были близки к этому, да и домашние животные были целы. Но это не смутило Хуриту, и скандалистка продолжала, обращаясь уже не к односельчанам, а к жрецу:

— Эта рыжая — ведьма! И мы ещё хлебнём с ней горя! Её надо сжечь, пока не поздно!

Карт посмотрел на Листвяну, та поймала его взгляд и улыбнулась своей солнечной улыбкой, а жрец вспомнил предшественника, лежавшего заиндевевшим в подвале своего дома. Ведь это случилось именно тогда, когда тот жрец решил сжечь маленькую рыжую ведьму! Тофос мог таким образом заступиться за свою прислужницу, но это, во-первых, не в правилах тёмного и, во-вторых, Тофос не смог бы такое сделать с верным слугой Ирхи, разве что этот слуга предался тёмному. Ну, а сама девочка? Вряд ли она (при всей её магической силе) смогла прежнего жреца заморозить (жрец с сомнением посмотрел на улыбающуюся девочку), скорее всего, это дело высших сил, ей покровительствующих! Похоже, Ирха отступился от прежнего жреца, задумавшего чёрное дело — сжечь ребёнка! Жрец поднял руку в благословляющем жесте, этот жест был адресован

Листвяне. Селяне стали расходиться, ушла и Хурита, увидевшая, что её никто не слушает.

Глава 4. Кто же ты, Листвяна?

Дни становились короче и холоднее, а ночи были уже холодные, осень уже перевалила половину, даже две трети, ведь уже шёл её третий месяц. Но этот день выдался удивительно тёплым, вечер тоже был тёплый, такой, что можно было посидеть на лавочке. Что и делал жрец Карт, вместе с ним сидели староста деревни Дрим и местная знахарка и травница Магда. То, что многие селяне считали её ведьмой (и не безосновательно), уже не смущало жреца. Примерно половина жителей деревни в той или иной мере были связаны с обитателями проклятого леса, некоторые настолько тесно, что их можно было считать нечистью. Но, к удивлению Карта, это были очень набожные селяне, чтущие светлого Ирху и его заветы. Об этом феномене ему рассказывали в Эролте, куда молодой специалист (если так можно сказать о жреце, только окончившем высшую жреческую школу), прибыл из Азорды. Честно говоря, Карт был расстроен таким назначением. А его недовольство ещё усилилось, когда его направили в Большие Травы, совсем (с точки зрения молодого жреца) глухую деревню. Но как оказалось, тут не только селяне

были намного набожней, чем в центральных районах королевства (буквально заглядывали в рот жрецу, пользовавшемуся здесь большим авторитетом), но ещё было много интересных вещей. Интересных как с точки зрения магии (а Карт, как и всякий жрец, был обучен её азам), так и интересных ему как служителю Ирхи. Об одном таком явлении, вернее, рыжей девочке и шёл разговор.

— Она так и ходит без защитного амулета, — говорил Дрим. Все жители Больших Трав имели такие амулеты, кто — изготовленные Магдой (недаром же её считали ведьмой), а кто — купленные в городе (изготовленные магами эролтского отделения магической логи). Эти амулеты жители Больших Трав не снимали и в деревне, находясь под защитой магического круга, не снимали, когда спали, не снимали, даже полностью раздевшись (например — в бане), защита круга — хорошо, но бывало, что нежить и сквозь неё проникала, находя лазейки. Что уже говорить о том, когда селяне шли работать в поле, а детвора направлялась собирать ягоды или грибы. Можно было забыть надеть какой-нибудь предмет одежды, например — штаны, но забыть или потерять защитный амулет... Магда, на которую посмотрели Дрим и Карт, ожидая, что она объяснит такое поведение Листвяны, только пожалала плечами:

— Не знаю, Листвяна говорит — он ей не нужен.

— Но такое может быть, если она является жительницей леса! Дриадой, мавкой, русалкой или ещё кем, но это же не так! — Дрим выразил свое отношение к отсутствию амулета у девочки. Магда согласно кивнула:

— Она не одна из них, хотя с ними дружит и, что удивительно, они её считают своей! Я сама видела, как с ней разговаривал лесовик, а они людей не любят. Никогда не показываются, и о том, что рядом этот лесной житель, можно догадаться по творимым им пакостям. Меня не раз пытались запутать в лесу, а Листвяне словно дорогу указывают и расчищают, убирая препятствия!

— Многие в деревне имеют в лесу, скажем так, родню. Возможно, и Листвяна тоже? При этом она более близкая родственница лесных обитателей, чем другие? — предположил Карт, делая это очень осторожно, понимая, что он здесь человек новый и многого не знает. Магда покачала головой:

— Лесные жители разные, в большинстве не то что не дружат, не переносят друг друга. Тот же лесовик не любит леших, а они вроде как одно и то же, но гляди ж — разные! Лесовики и лешие очень не любят русалок. Водяники — то совсем отдельный разговор, это хищная нежить, при случае

съест кого угодно. А водяные — те же русалки, только мужчины. Все обитатели леса очень не любят огневушек, отвечающих им тем же. Я подозреваю, что огневушки — какая-то разновидность огненных элементаров, живущих в проклятом лесу. Обычно они где-то прячутся, но если лес начинает гореть... Вот тогда они и появляются и веселятся вовсю, раздувая пожар.

— Они что, сами его и устраивают, поджигая лес? — поинтересовался Карт, было видно, что и Дрима интересуется этот вопрос, потому что он сказал:

— Получается, огневушки нам помогают, выжигая лес? Как же он их терпит?

— Терпит, наверное, потому, что они тоже порождение леса и выжженное место быстро зарастает, деревья там растут лучше и быстрее, в итоге становятся больше и несокрушимей, ты же знаешь, не всякое дерево удаётся срубить, некоторые — как из железа сделанные, — ответила Дриму Магда и продолжила рассказывать о Листвяне: — Я думала, что Листвяна как-то связана с огневушками, что она полукровка-огневушка, уж очень у неё хорошо получается с огнём, не все они так могут, вернее, так все они не могут, я имею в виду полукровок-огневушек. Тем более что полукровки-огневушки очень большая редкость. Листвяна не была подброшена в младенчестве, её

нашли уже пусть маленькой, но сформировавшейся девочкой, она уже обладала всеми своими способностями. Похоже, что эти способности развивали...

— То есть её уже обучили... — перебил знахарку внимательно слушавший жрец и решивший, что догадался о природе девочки. Магда отрицательно покачала головой:

— В лесу не обучают, нельзя обучить тому, что тебе не под силу. Способности можно развить, а уж тот, у кого они есть, обучается сам. Может, пожары возникают от действий пробующих свои силы молодых огневушек.

— Но пожары не так часто и возникают, — возразил Дрим, Магда согласно кивнула:

— Не часто, но и огневушки — большая редкость. Но продолжим о Листвяне, мне вначале показалось, что она несформировавшаяся огневушка, так и не овладевшая в полной мере своими способностями. Увидев, что она не может стать настоящей огневушкой, её сородичи подбросили людям.

— То есть — выгнали, — сделал вывод Карт.

— Нет, не выгнали, — возразила Магда, — подбросили. Лесной народ никогда не выгоняет тех, кто не может стать лесным жителем, это все полукровки, а подбрасывает людям. А тех, кто может стать опасным для окружающих, в том числе

и людей (в силу своих способностей, характера, мало ли какие могут быть причины) просто убивают.

— Сурово тут, — выразил своё удивление услышанным Карт. Дрим просто кивнул — он об этом знал раньше. Магда продолжила рассказывать:

— По всем признакам Листвяна если сама не огневушка, не имеющая всех их способностей, то очень близкая их родственница. Так мне с начала казалось, но потом... Увиденное меня совсем запутало, девочка совсем не боится воды, огневушки тоже не боятся, но очень не любят. А Листвяна может долго находится под водой, получая от такого купания удовольствие! Это свойство только русалок и их полукровок. Но полукровки русалок так долго, как Листвяна, под водой находиться не могут! Огневушки тем более! А знание растений? Девочка прекрасно их всех знает и их свойства, но теряется в названиях. Такое может быть, если бы она была полукровкой дриады или мавки, — увидев, что Карт не понял кто это, Магда пояснила мавка — лесная или полевая русалка. Закончив объяснения, Магда вернулась к рассказу о Листвяне: — Вот так я не смогла определить принадлежность приёмной дочери Суримы и оказалась в замешательстве. Можно, конечно, предположить, что девочка очень сильный маг, только неинициированный, но то, что она

делает, как сказал уважаемый Иратон, не под силу многим магистрам, то есть не просто обученным магам, а дипломированным!

Магда посмотрела на Карта, он-то слышал, о чём говорил магистр Иратон, когда девочка сотворила свою камилястру, а травница знала о суждении мага о Листвяне только со слов жреца. Жрец согласно кивнул и спросил:

— Тогда, как мне рассказывали, у ворот девочка так ударила коротов, что почти всех сожгла, не проявляла ли она ещё как-то свою силу?

— Тогда был знатный удар, — согласился Дрим, — я такое видел, только когда служил в армии. Во время одного из боёв с утуранцами прикомандированный к нашему соединению маг обрушил на врага такой же вал огня, но то был очень опытный боевой маг! А тут — маленькая девчужка! Удивляет одно — почему Листвяна не ударила там, в роще, а привела их к деревне?

— Да, маленькая и необученная, — согласилась Магда и добавила, развивая эту тему: — Но повторить такой огненный удар она не смогла, сколько я не просила. Видно было, что ей самой очень хочется такое сделать, но не получается, огоньки на ладошках и всё. А почему привела к деревне? Сами пришли, Листвяна их удерживала на расстоянии, пугая огнём, но, наверное, они не очень-то и испугались. Видимо,

чувствовали, что причинить особого вреда эта девочка огневушка-полукровка им не сможет, потому и шли за детьми, выбирая удобный момент для нападения. Листвяна, когда дети до деревни добрались, сил лишилась, в себя пришла только тогда, когда её сжечь пытались. Она в костре недолго находилась и при этом спала, как любой очень уставший ребёнок, которого оставили в покое, похоже, она там, в костре, от огня сил и набралась, как огневушка.

— А шар у меня на потолке? — задал наиболее интересующий его вопрос Карт. — Маг Иратон говорил, что его природа такая же, как и у боевого пульсара, но при этом утверждал, что взорваться он не сможет.

Магда, улыбнувшись, пояснила, что имел в виду маг из комиссии:

— Листвянина камилястра — из разряда бытовых заклинаний, результаты которых используются для определённых хозяйственных нужд. Огонь боевого пульсара и огонь, горящий в очаге, имеют одну природу. Да, природа может быть одна и та же, но назначение разное, к примеру: топором можно рубить дрова, но можно и сражаться, головы разбивать.

— Обычный топор и боевая секира — совершенно разные вещи, — внёс поправку Дрим, Магда согласно кивнула, но при этом возразила:

— И обычным топором можно противника зарубить, согласишься, в умелых руках он тоже оружие. Огнём, горящим в очаге или кухонной плите, можно поджечь дом. А вот ещё один пример — обычный костёр, если в него подбросить дров, становится огромным пламенем. А если его подпитать магически и сделать это очень резко — получится взрыв! Такой, как от боевого пульсара!

— Ты хочешь сказать, что умеючи, можно любой костёр или даже слабый магический светильник превратить в боевой пульсар? Или просто взорвать? — спросил у знахарки староста деревни, а жрец поёжился, всё-таки узнать о том, что такая полезная вещь, как управляемый светильник и обогреватель, может в любую секунду по прихоти маленькой девочки взорваться, не то что вызывает опасение — пугает до дрожи в коленках! О чём Карт и сказал.

— Не-а, не взорвётся, — заявила неслышно подошедшая Листвяна. Вздрогнули все, даже Дрим, а уж он-то как бывалый солдат не мог не увидеть или услышать, как подошла маленькая девочка, она не должна обладать навыками охотника, а уж тем более разведчика!

— Не-а, не взорвётся, — повторила рыжая малышка и попыталась успокоить жреца: — И никто взорвать не сможет!

— А ты? — поинтересовался Карт. — Это же

твое, гм, заклинание? Ты же можешь так сделать, чтоб оно взорвалось?

— Не-а! Я взрывать не буду! Ведь это подарок! Я тебе его подарила, а подарки взрывать нехорошо! Я камилястру сделала для тебя, и управлять ею можешь только ты!

— Но, Листвяна, тогда же твоей, гм, камилястрой, Гудым тоже управлял?

— Ты же ему разрешил это делать, — ответила девочка и пояснила: — Если бы ты этого не сделал, он бы не смог. Камилястра твоя и больше ничья! Она взорвётся только тогда, когда ты этого сильно захочешь.

— Вот видите, дело за вами, вам только не надо сильно... В смысле, очень хотеть, чтоб такое произошло, и всё будет хорошо, — усмехнулась Магда, обращаясь к Карту, — просто не думайте об этом.

— Это как в той притче — о буром медведе, о котором нельзя думать, — криво усмехнулся жрец. Листвяна покачала головой:

— Я же сказала — сильно захотеть! Если ты будешь хотеть, но не сильно или просто думать, ничего не случится.

— Осталось только определить: как это — очень захотеть, — с той же кривой улыбкой сказал жрец, Листвяна очень серьёзно ответила:

— Ты это почувствуешь, а пока можешь

хотеть сколько угодно, камилястра не взорвётся.

— Это радует, — Карт наклонил голову в знак согласия с тем, что он не будет очень хотеть.

— Ага! — неизвестно что подтвердила Листвяна: то ли то, её что камилястра самопроизвольно не взорвётся, то ли то, что жрец и не будет пробовать сильно хотеть. Дрим спросил у девочки:

— А ты чего к нам подкрадывалась?

— Я не подкрадывалась, я просто тихо шла, а вы тут так громко разговаривали, что не слышали. А я не тебе шла, а к Магде, вот! Ей нужна была трава, но она её не могла найти, потому что за ней надо было в лес сходить, ведь она на опушке не растёт, в ближних рощах тем более. Вот я ходила и нарвала.

— Ты ходила в лес? Одна! В чащобу? — поразился Дрим, туда бояться заходить группы вооружённых селян, имеющих защитные амулеты, изготовленные не местными знахарками, а городскими магами! А эта девочка об этом говорит так, будто в ближнюю рощу за ягодами сбегала!

— А твои родители знают? — задала вопрос Магда, хоть она и не посылала Листвяну, это была личная инициатива девочки, но трава-то нужна была знахарке, получается — за этот безрассудный поход ответственность ложится на плечи женщины. Листвяна покачала головой:

— Не-а! — поскольку было непонятно на чей вопрос это ответ, девочка уточнила: — Мама не знает, если бы знала, то сильно волновалась бы, и совершенно напрасно, со мной ничего не могло случиться, ведь я не одна была, а с Ухрей.

— С кем?! — удивился Дрим, последние слова девочки были как бы ответом на его вопрос: о том ходила ли Листвяна в лес одна? Но староста знал всех живущих в деревне, но такого имени не помнил. Разве что это был совсем маленький ребёнок, но не могла же Листвяна взять с собой в такой рискованный поход кого-то младше себя!

— С Ухрей, — повторила Листвяна, увидев, что её не поняли, охотно стала рассказывать: — Я сама бы не нашла, вот я и попросила Ухрю, чтоб она показала где. Мы вместе и пошли.

— Листвяна, а кто такая Ухря, ты меня с ней познакомишь? — ласково спросила Магда, которая из рассказа девочки только поняла, что эта неизвестная Ухря, женского рода. Листвяна ответила:

— Ухря — лешая, я прошлый раз, когда траву собирала, помогла ей отбиться от стаи сухоедов, она сама бы не смогла.

Сухоеды — всеядная огромная саранча, после неё участки леса оставались объединёнными до веток толщиной в палец, остальное эта саранча съедала. Не брезговала она и разным зверьем и лесными

жителями, но если в своём большинстве звери и лесная нечисть могли убежать, то дриады, привязанные к своим деревьям, были обречены. Сухоеды, обнаружив дриаду, грызли дерево, пока до неё не добирались. Лешие, как и дриады, привязанные только не к отдельным деревьям, а к своему участку леса, старались его защитить и тоже гибли. В размерах сухоеды превосходили обычную саранчу в десять раз и после себя оставляли сухие обгрызенные деревья, может, это и послужило тому, что эту напасть так называли. От полного уничтожения лес спасало только то, что сухоеды были редкостью и нападали небольшими стаями — неизвестно откуда появлялись и так же куда-то исчезали. Возможно, сам лес как-то защищался от сухоедов, заставляя исчезать их стаи.

— И как же ты защитила эту лешую? — спросила Магда, что-то подозревая, Листвяна её не разочаровала:

— Я ударила огнём и сожгла всю стаю!

— А сейчас так можешь? — быстро спросила знахарка, девочка отрицательно покачала головой:

— Не-а, я потом пробовала, у меня не получается, а когда я увидела Ухрю, такую маленькую и слабую, вставшую на пути стаи, мне её жалко стало, а на сухоедов я сильно разозлилась! Вот!

Магда и Дрим переглянулись, к их

переглядыванию присоединился и Карт. Получалось, что девочка могла-таки ударить мощным факелом огня (ведь сжечь стаю сухоедов не так то и просто!), но у неё это получалось только при определённых обстоятельствах: она должна была разозлиться или испугаться, но бояться не за себя, за кого-то другого. Лесная нечисть, при всём её относительном дружелюбии к людям, не стала бы приходить им на помощь, да и друг другу тоже не всегда помогала. А Листвяна всегда приходила, не делая разницы между людьми и лесными жителями, и, как оказалось, они тоже ей помогают. Магда уже не сомневалась, что если бы не лешая, кто-то другой из лесных жителей помог бы девочке, а это могло быть только в том случае, если Листвяна была в родстве с каким-то видом нечисти проклятого леса. Но получалось, что девочка родня всем его обитателям, да и самому лесу тоже. Магда сама видела, как отходят в сторону ветки деревьев и кустов, давая дорогу девочке, а колючки Листвяну совсем не царапают, даже когда она пробирается через самые заросли. Но с другой стороны, эта рыжая малышка демонстрирует способности, которых нет ни у одного лесного жителя, никто из них не может лечить людей, а Листвяна пусть ещё и очень неумело, но могла! Ну, а удары огнём? Такое мог только обученный маг! Необученный бы сжёг всё вокруг и сторел бы сам (если бы не был

огневушкой, но и они не умели создавать направленные факелы такой мощности!). Листвяна отдала траву, что собрала для Магды, и убежала, а знахарка, староста деревни и жрец долго смотрели ей вслед, а потом очередной раз многозначительно переглянулись, и Карт озвучил выводы, к которым они все самостоятельно пришли:

— То, что Листвяна полукровка, не вызывает никакого сомнения, только вот чья? Я тут недавно, поэтому определить затрудняюсь, вы должны знать больше.

Дрим промолчал, а Магда тоже высказалась:

— Что полукровка — это понятно, а вот чья? Тут и я что-либо предположить затрудняюсь, уж очень противоречивые признаки какого-либо вида лесных жителей она показывает. А и наличие неслабых магических способностей указывает на принадлежность девочки людям или эльфам, или гномам, хотя это вряд ли, не похожа она на гномов.

— А возможно, к оркам, — сделал предположение Дрим, — острые зубки, да и клычки у неё великоваты как для человека.

— Орки редкость в наших краях, а клычки у неё совсем незаметны, да и не торчат, как у орков, — возразил Дриму Карт, а ему возразила Магда:

— Не у всех орков торчат клыки, есть такие, что от эльфов почти невозможно отличить, я имею

в виду женщин, мужчины — более массивные, что ли. Вполне возможно, что у Листвяны кровь орки и лесного жителя, да и не одного. Только так можно объяснить её способности.

— Но у орков не бывает магов, у них шаманы, — проявил свою эрудицию жрец, Магда опять ему возразила:

— Главное — это способности, а будет ли это маг или шаман — тут дело в обучении. Некоторые шаманы орков не уступают сильным людским магам и даже их превосходят. Знала я одного такого шамана, так он не то что магистру, мэтру мог дать форы!

— Получается, что она может быть полукровкой эльфа или орка и кого-то из лесных жителей, — сделал вывод Карт, Магда поправила:

— Скорее, эльфийки или орчанки и нескольких лесных жителей.

— Как предположение — это может быть принято, — кивнул Дрим. Но свои сомнения высказал: — Только вот осталось выяснить, что здесь делала орчанка или эльфийка и как она сюда попала, а потом куда делась. Почему об этом никто не знает? Вряд ли мать Листвяны жила, пока её вынашивала, в лесу, в самой чащобе, куда не заходят люди.

— Не обязательно здесь, может, и в другом месте, ведь девочка тут появилась не младенцем.

Возможно, что её воспитывали лесные жители, хотя это трудно предположить — лесные жители с трудом уживаются с людьми, потому-то полукровок и подбрасывают ещё младенцами, — то ли возразила, то ли сделала предположение Магда. Дрим согласно кивнул, а Карт высказал своё мнение:

— Я не представляю, как человеческая женщина может по своей воле с кем-то из лесного народа... Да и не с одним, если судить по способностям Листвяны. С тем же лешим, фавном или водяным добровольно никто не согласится. А уж эльфийка или орчанка... — задумавшись, жрец сделал предположение: — Разве что насилие. И чтоб скрыть плод этой связи, дитя подбросили лесным жителям...

— Тут вы не правы, — возразила жрецу Магда, — лесным жителям невозможно подбросить ребёнка, они его не примут, и он погибнет в лесу, тут зверья и нежити... Сами понимаете — младенец очень лакомая добыча. Да и если бы Листвяна воспитывалась кем-то из лесных жителей... Это сразу было бы видно, она не смогла бы ужиться с людьми! Ну а по поводу того — добровольно или насилие... Многие лесные жители, те же водяные, выглядят писаными красавцами, соблазнить им простую селянку — плёвое дело!

— И всё же, кто такая Листвяна? У вас есть,

хотя бы, предположения? — поинтересовался Карт у своих собеседников, и снова Дрим ничего не ответил, только пожал плечами, Магда, вздохнув, сказала:

— Я давно задаюсь этим вопросом, мне самой очень хотелось бы знать — кто же такая эта девочка.

Листвяна не слышала всех этих разговоров, она бежала к выходу Быстрицы из деревни. После того похода детей, когда на них чуть не напал водяник, а потом они чудом спаслись от коротов, забор, ограждающий деревню, сделали и над водой. В воду опустили колья так, чтоб не препятствовать течению воды, но чтоб между ними нельзя было пролезть. Девочка вприпрыжку подбежала к этому месту и, воровато оглянувшись, быстро разделась, аккуратно сложив одежду и спрятав её в кусты. Листвяна с берега прыгнула почти на середину речки и без всплеска ушла под воду. Женщина, украдкой наблюдавшая за действиями рыжей девочки, долго ждала, не показываясь из своего укрытия. Потом осторожно подошла к кустам, где была спрятана одежда, и достала её, при этом хмыкнув:

— Таки утопла. Хотела проплыть под оградой, но не знала, что там решётка. Упокой, Ирха, её грешную душу! Хотя, скорее, её душу

заберёт Тофос. Пойду обрадую Суриму, расскажу, что её огненный гадёныш утоп!

Женщина собрала одежду и быстро пошла к дому Зура.

Листвяна вопреки надеждам её недоброжелательницы и не думала тонуть. Речка промыла дно под одним из забитых колов (а может, он изначально не доставал дна), Листвяне этого хватило, чтоб выскользнуть за ограду. Она проплыла под водой до заводи, где на детей пытался напасть водяник, и, тихонько приблизившись к притаившейся в глубине русалке, пощекотала её. Та, совершенно как человеческая девушка, с визгом выпрыгнула из воды. Плюхнувшись обратно, русалка с укоризной посмотрела на девочку:

— Нельзя же так пугать!

— Ты должна была почувствовать, что здесь ещё кто-то есть, — ответила девочка, на что русалка даже с обидой сказала:

— Я всех чувствую! Всех, кто в воде на расстоянии в пол-аллы от меня находится, а тебя замечая только тогда, когда ты меня рукой коснёшься! Я и других русалок чувствую, а тебя нет! Как такое может быть!

Листвяна и русалка разговаривали, забравшись на ствол поваленного дерева, на острых сучьях которого погиб водяник. Русалка, та самая,

которая тогда чудом спаслась (и подозревающая, кто этим чудом был) так увлеклась, что не заметила стаю уралаков. Эти не только кровососущие твари, но и обгладывающие (если стая была большая) свои жертвы до костей, нападали не только на людей, но и на лесных жителей, дриады от них прятались в своих деревьях, а русалки — под водой. Но сейчас, поторопившаяся русалка запуталась в ветвях и не успевала уйти под воду. Она горестно запричитала, стараясь распутаться, а Листвяна, и не думая прятаться, вытянула обе руки навстречу атакующей стае существ, напоминающих больших куриц, только без перьев, да и клюв у них был раз в пять больше и усеян острыми зубами. Когда до атакующих уралаков оставалось меньше десяти локтей, с пальчиков девочки сорвались тонкие язычки пламени. Они не были непрерывными, а такими словно стрелы, выпускаемые из лука. Каждая такая огненная стрела находила жертву в стае уралаков, попадая в отвратительную курицу или скорее ворону, не сжигала её, а только обездвиживала (некоторых и убивала). Девочка слишком близко подпустила хищников (некоторые считали уралаков — хищной нежитью), и теперь шло соревнование в скорости, расстояние между Листвяной и уралаками то сокращалось, то увеличивалось. Хищники не откатывались назад, они продолжали напирать с прежним упорством, а

на землю падали уже дымящиеся тушки тех, кто до этого был в первых рядах. Листвяна уже была в полную силу, и маленькие стрелы-молнии слетали с её пальчиков непрерывным потоком. К счастью для девочки и русалки, стая оказалась не очень большой, и когда последний уралак упал, Листвяна вытерла пот, мелкими капельками выступивший у неё на лбу.

— Какие настырные! Точно — нежить, обычные хищники испугались бы, когда я выбила половину стаи, а эти пёрли до последнего! — гордо сказала Листвяна, но её вид не соответствовал тону произнесенного, пот на лбу снова выступил мелкими бисеринками, а руки дрожали. Девочка вытянула руку, но на ней появился лишь слабенький огонёк, совсем нежелающий куда-то уходить с ладошки, Листвяна вздохнула — и огонёк исчез.

— Вовремя уралаки кончились, — заметила русалка, когда опасность пропала, исчез и её страх, теперь она внимательно наблюдала за девочкой, а та, глянув на свои ладони, кивнула:

— Ага! Вовремя кончились. Сейчас у меня не получится даже маленький огонёк бросить, совсем сил не осталось, — девочка горестно вздохнула и сообщила: — Надо искупаться, отдохнуть!

Листвяна исчезла под водой, русалка последовала за ней. Раскинув в стороны руки и

закрыв глаза, девочка лежала на дне. Русалка не стала её беспокоить, просто села рядом. Через полчаса Листвяна открыла глаза и устремила к поверхности, русалка хвостиком последовала за ней.

— Сулье, зачем ты меня звала? — спросила у вынырнувшей русалки Листвяна. — Ведь не затем, чтоб рассказать последние русалочки сплетни.

Русалка быстро выпалила:

— Мусутук хочет меня отсюда прогнать! Он сказал, что сегодня сюда придёт, а я чтоб к его приходу убралась! Но далеко не уходила!

— Ага, — задумалась Листвяна, пытаюсь понять намерения этого Мусутука — зачем, если прогоняешь, запрещать тому, которого прогнал, далеко уходить? Что-то здесь было не так.

Среди лесных жителей мира как такового не было, они тоже ели друг друга, водяники были не прочь закусить не только людьми или мелкими животными, но и русалками или водяными. А эта тихая заводь в быстрой речке оказалась очень ценным местом. Вверх по течению её прикрывала деревня со своим защитным кругом, а вниз по течению заводь от остальной реки отделял пережат, который достаточно трудно было преодолеть (хоть водяник через него и перелез). Вот теперь это замечательное место присмотрел водяной (мужская разновидность русалок) Мусутук. Вроде водяные

русалок не едят, тогда почему он хочет задержать тут русалку? Хоть при этом выгнав из такого хорошего места? Сулье всхлипнула, наверное, чтоб показать Листвяне какая она несчастная. Девочка, немного подумав, кивнула:

— Ага, искать твоего Мусутука не будем, подождём его здесь.

Русалка перестала всхлипывать и пристроилась на поваленном дереве, нависающем над перекатом, рядом с Листвяной. Девочка болтала ногами, а русалка, словно забыв о своей беде, хвостом.

— Я тебе что сказал! — над перекатом почти во весь свой немаленький рост, поднявшись на хвосте, возвышался водяной. Посмотрев на русалку, вдвое меньше его, и маленькую девочку, он поиграл могучими мускулам, а потом гулко ударил хвостом по поверхности воды.

— Ага! — сказала Листвяна и вытянула к водяному руку, направив на него свою ладошку. Мощный порыв ветра сдул Мусутука с переката, опрокинув на спину. Но это только раззадорило водяного, он снова выскочил на камни переката и громко проревел, обращаясь к русалке:

— То, что ты позвала колдунью, тебе не поможет! Я и с ней справлюсь!

Ожерелье, что было у водяного, засветилось синим цветом, и второй направленный на него

порыв ветра, ничего ему не сделал. Водяной захохотал и сделал шаг вперёд (если можно так назвать это движение, ведь у него были не ноги, а хвост). Листвяна, произнеся очередной «ага», развела руки в стороны, перед водяным возникла стена огня, двинувшаяся на водяного. Судя по всему, стена была не иллюзорной, от неё шёл сильный жар. Водяной попятился и снова упал с переката.

— Ага, — удовлетворённо произнесла Листвяна. Огонь исчез, а девочка сказала, обращаясь к барахтающемуся в горячей воде (огненная стена нижним краем касалась воды и хорошо её нагрела) водяному: — Попытаешься обидеть Сулье, я тебя или сварю или поджарю! Понял?

Водяной что-то булькнул в ответ, Листвяна нахмурила бровки, и с её руки сорвался огненный шарик, зависший над продолжающим барахтаться водяным. Девочка, стараясь это сделать как можно более грозно, произнесла:

— Не слышу ответа! И перестань булькать!

— Да, госпожа, я вас понял, госпожа! — ответил водяной, со страхом глядя на висящий над ним огненный шар. Девочка удовлетворённо кивнула и скомандовала:

— А теперь, убирайся!

— А может не надо так с ним строго? —

попросила русалка. И робко добавила: — Может, он хотел что-то сказать или попросить? Давай его выслушаем?

— Ага, — произнесла Листвяна, внимательно глядя на свою водяную подружку, после чего так же внимательно посмотрела на замершего водяного и приказала:

— Хватит там барахтаться и булькать! Иди сюда! Ты что-то хотел сказать? Только сначала объясни, зачем ты Сулье отсюда прогонял?

— Жениться хотел, — буркнул Мусутук, продолжая с опаской смотреть на Листвяну, девочка втянула полыхнувший жаром огненный шар себе в ладошку, словно показывая, что может запустить им в любой момент. Девочка снова грозно сдвинула бровки:

— Ага! Значит, жениться хотел? Место, где жить и куда жену привести искал? А Сулье прогнать хотел? Так?! Не стыдно?! Такой здоровый, а хотел обидеть...

Листвяна не договорила, Мусутук её перебил, решительно, словно боясь, что ему не дадут сказать, заявив:

— Так я это... На Сулье и хотел жениться!

— А?.. Так зачем же её прогнать отсюда хотел? — растерялась девочка, уж очень неожиданным было то, что она услышала. А водяной продолжал быстро говорить:

— Дык, невесту надо не абы куда пригласить, а в такое место, где она жить согласится! А Сулье уже здесь живёт, значит, прийти сюда не откажется! Вот я и решил...

Листвяна потрясла головой, пытаясь понять логику такого ухаживания — сначала прогнать, чтоб потом, сюда же пригласив, сделать предложение. Девочка посмотрела на замершую русалку и спросила её, показав на мнущегося водяного:

— А он тебе нравится? Если бы он предложил выйти за него замуж, ты бы согласилась?

— Он красивый! — прошептала русалка, водяной выпрямился и выпятил грудь. Сулье продолжила: — Сильный...

— Ага, могучий и толстый, — добавила Листвяна. После чего, посмотрев на эту парочку вроде как влюблённых водяных жителей, важно сообщила: — Если вы оба согласны, то я не возражаю.

— Листвяночка, будешь моей посаженной матерью? — попросила у девочки русалка и, заглянув в глаза, добавила: — Очень тебя прошу!

— Ага, — совсем растерялась Листвяна и, разведя руками, попыталась возразить:

— Ну как я могу быть матерью, говорят, мне всего пять лет, ну, может, шесть! А ты хочешь, чтоб я была твоей мамой!

— Это ненадолго, — перебила девочку русалка и, посмотрев на водяного, жалобно добавила: — Мы оба тебя просим, правда, Мусутук? Ты тоже просишь? Очень просишь? Да?

— Прошу! Очень прошу! — решительно заявил водяной, приложив руку к сердцу и посмотрев на перекат, добавил: — Не я один прошу, Мурурук тоже просит! Очень просит!

— А это ещё кто? — удивилась Листвяна и, проследив взгляд Мусутука, увидела выглядывающего из-за камней старого водяного. Девочка повторила вопрос, показывая на того водяного: — А это кто?

— Мурурук, мой дядя, — сообщил Мусутук и добавил: — Он и гостей на свадьбу уже пригласил!

— Ага, — Листвяна, посмотрев на уже обнимающихся водяного и русалку, спросила: — а Сулье из её заводи он тоже посоветовал прогнать?

— А как же, — самодовольно признался старый водяной, с кряхтением перебираясь через перекат, вслед за ним полезли ещё водяные и русалки, видно, ждавшие окончания столь оригинального сватовства. А Мурурук так же самодовольно стал пояснять: — В озере, как и в семье, должен быть один хозяин. А какой же он хозяин, если озеро не его?

— Ага, — кивнула девочка, — а если озеро не его, а её, то сначала надо хозяйку прогнать, а потом

её же пригласить обратно, жить в любви и согласии. Очень интересный способ свататься! Но имейте в виду — эта заводь Сулье и если кто думает иначе, будет иметь дело со мной!

Водяные жители согласно закивали, хоть они и видели перед собой маленькую девочку, но видели и огненную стену, да и шар, вылетевший из руки девочки, а потом обратно втянутый не могли не заметить. Каково же было их удивление, когда эта рыжая девочка последовала за ними под воду, если раньше можно было предположить, что этот рыжий человеческий (эльфийский или орочий) ребёнок — будущая сильная магиня, подружившаяся с русалкой, то теперь русалки и водяные терялись в догадках. Правда, не все, были и такие, что знали Листвяну раньше и теперь приветствовали её как старую знакомую. У одной такой русалки, когда все снова выбрались на берег, Мурурук спросил:

— Кто она?

— Листвяна, — ответила русалка, а самый старый водяной, подслеповато щурившийся и молчавший до сих пор, тихо сказал:

— Повелительница, только ещё маленькая, может, не хочет об этом говорить, а может, не осознала ещё себя. Потому что маленькая, но... — патриарх водяной указал на обугленные тушки уралаков.

Уже начало смеркаться, а Листвяны всё не было. Утром она сказала, что идёт помогать Магде, Сурима не беспокоилась, что девочка останется голодной, знахарка накормит свою ученицу и добровольную помощницу. Но уже вечер, а Листвяночки всё нет. Сурима уже собралась идти к Магде, как распахнулась калитка и вбежала Хурита с ворохом одежды девочки, она специально выждала время, чтоб девочку уже нельзя было спасти, даже если вытянут из воды.

— Горе-то, горе какое! — запричитала непрошенная гостья. — Утопла наша девочка, совсем утопла там, где Быстрица из деревни вытекает! Видно, течением её прижало к ограде, что недавно там сделали, вот она и не смогла выбраться!

Сурима, увидевшая одежду дочери, сначала было дёрнулась, но услышав, что Листвяна утонула, успокоилась, удивив этим причитающую Хуриту. Та, решив, что односельчанка не совсем поняла о свалившейся на неё беде, заголосила громче:

— Утопла наша звёздочка ясная прямо в мутной воде, утопла!

— В воде просто утопают, чтоб сделать это прямо или хотя бы криво, надо очень постараться, — спокойно заметил Тул, ладивший

тут же во дворе сбрую тягловых быков. Фирта, вышедшая на крики Хуриты, спокойно поинтересовалась:

— А одежда Листвяны у тебя откуда?

— Я же говорю — утопла, — растерялась местная скандалистка, уж очень спокойно тут отреагировали на такое горестное известие. Фирта протянула руку за одеждой и хмыкнула:

— Аккуратно сложенная, а помяла, наверное, уже ты, когда сюда бежала. Не запыхалась?

— Утопла, пошла, поскользнулась. Упала в самую стремнину и утопла, — совсем растерянно произнесла Хурита, она ожидала совсем не такой реакции на горестное известие, что принесла. Тул, отвлѣкшись от своего занятия и кивнув в сторону жены, отобравшей у горевестницы одежду Листвяны, поинтересовался:

— Наверное, сначала разделась, а уж потом пошла поскользываться? Видно, запачкаться боялась, если сразу в реку не упадѣт. Ну и как же это надо поскользнуться, чтоб аж до стремнины долететь? Только если хорошо разогнаться. Да и где, ты говоришь, Листвяна поскользнулась? У заграждения, где Быстрица из деревни уходит? Там негде, так что рассказывай: зачем пришла?

Хурита растерялась, она хотела увидеть горе и отчаяние этих людей, а они такое печальное известие восприняли очень спокойно, вернее, никак

не восприняли, будто их девочка топится по три раза в день. Скандалистка набрала побольше воздуха, чтоб крик получился громче (чтоб этих людей наконец-то проняло), но так и застыла с надутыми щеками — на заборе сидела Листвяна, мокрая и голая. Вместо крика у Хуриты получился выдох-всхлип:

— Утопленница! Сама пришла! Они всегда за кем-то приходят! И она пришла...

— Наверное, за тем, кто видел, как она тонет, и не попытался её спасти или позвать на помощь, — спокойно сообщил Тул, возвращаясь к своему занятию. А Сурина, словно забывшая о недоброй вестнице, ласково обратилась к утопленнице:

— Листвяночка, ты не голодная?

— Не-а, — отрицательно покачала головой девочка и сообщила: — У русалок свадьба была, меня там и угостили.

— Где? — невпопад спросила Хурита.

— Свадьба где? — переспросила Листвяна и сама же ответила: — На дне, конечно, там и угостили, спросишь чем? Червяками и пиявками!

Ошарашенная Хурита не заметила ехидности в ответе девочки, а та, подмигнув своим домашним, предложила сельской сплетнице:

— А хочешь, и тебя угостим? — Листвяна повернулась к реке и позвала: — Мусутук!

Мусутук!

Когда оттуда, к удивлению всех присутствующих, появился водяной, а потом русалка, девочка распорядилась:

— Мусутук, достань пиявку, пожирнее!

Водяной кивнул и исчез под водой и через мгновение вынырнул с пиявкой, толстой и длиной в три пальца. Подняв её над головой, сообщил:

— Вот, самая толстая!

Хурита, завизжав, бросилась со двора. Водяной недоуменно проводив её глазами, поинтересовался:

— Чего это она? Листвяна, а зачем тебе эта противная пиявка?

— Вот для этого, — хихикнула девочка, махнув рукой вслед убежавшей женщине. Потом представила речных жителей: — Это Сулье и Мусутук, это у них была свадьба, они меня провожают, чтоб мне не скучно было.

— А как же охранный круг, он же не должен был их пропустить? — поинтересовался Тул. Листвяна пожала плечами:

— Они же со мной!

— Листвяночка, хочешь молочка? — спросила Сурима и, услышав обычное «ага», пошла в дом за крынкой.

Глава 5. Большой страх проклятого

леса и деревенский праздник

Праздник зимнего солнцестояния — самый большой праздник в году. Летнее солнцестояние тоже праздник, но тогда гулять-то особо некогда — идут полевые работы, как раз заканчивается сбор первого урожая и начинается сев и посадка второго. К тому же светлый Ирха, победивший тёмного Тофоса, решает отдохнуть, а повелитель демонов тут как тут: начинает отвоёвывать утраченные позиции — дни становятся короче, а ночи длиннее. А зимнее солнцестояние... Ирха, пробудившийся от сна, начинает прогонять Тофоса в его подземные чертоги, а это надо отметить, тем более что третий урожай уже собран, а до сева первого ещё почти две недели — можно и погулять. Вообще-то зима у опушки проклятого леса очень мягкая, не зима, а так — незначительное похолодание (но всё-таки ощутимое по сравнению с летней жарой). Такая зима совсем не то, что в центральных районах королевства, тут даже снега не бывает, а если вдруг и выпадет, то раза два за всю зиму и тут же тает. Конечно, праздник зимнего солнцестояния не праздновался все три недели, приближалась первая посевная, и к ней надо было готовиться (потом промежутки между сбором урожая и севом были ещё меньше, поэтому и пытались основные подготовительные работы сделать именно сейчас).

Но и отпраздновать надо, к нему готовились за три дня и столько же гуляли, но это взрослые, у детей была неделя на подготовку и неделя праздновать.

Для детей это был самый большой праздник, особенно для девочек — ведь выбирали королеву цветов! Выбирали по венку, который она сплетёт из собранных цветов, хоть была зима, но в лесу было тепло и там росли цветы. Дети в лес не ходили, собирали цветы в ближайших рощах, но были и лесные цветы — их приносили взрослые, кому же из родителей не хочется, чтоб их ненаглядная доченька была выбрана королевой праздника! Но цветы надо было собирать за день до праздника, чтоб они не завяли в венке, вот и в этот предпраздничный день ватага ребятишек направилась в ближнюю рощу. В этот раз Листвяна хоть и пошла со всеми, но, миновав рощу, направилась в лес, она хотела сделать необычный венок, а разве для него соберёшь цветы в роще у деревни, тем более в такой большой компании, где что-либо стоящее буквально выхватывают из-под рук! Дети проводили Листвяну завистливыми взглядами, они уже давно знали, что девочка не боится ходить в лес и теперь нарвёт самых красивых цветов, таких, каких нет в роще. Но Листвяна хотела не столько цветы собрать, сколько посмотреть на танцы мавок и дриад на лунной поляне, о которых она слышала от своих лесных

друзей, но которых ещё ни разу не видела, а цветы... Их можно будет и потом собрать, в лесу, ближе к деревне.

Лес встретил девочку как всегда приветливо, ветки чащобы, раздвигаясь, давали дорогу и ласково шелестели листьями, сразу откуда-то взялось несколько белок, сварливо поругавшихся между собой. Каждая из них первой хотела сесть на плечо Листвяне и затарахтеть, рассказывая лесные новости. Белок опередили небольшие птицы, они не ссорились, а по очереди, усаживаясь на подставленный руки, радостно щебетали. Листвяна вышла на небольшую полянку и засмеялась:

— Ухря, я тебя вижу! Меня не обманешь!

— Вот прячешься, прячешься, а ты раз — и увидела! — недовольно произнесла сухая коряга, превращаясь в девочку, поменьше Листвяны. У девочки была кожа цвета молодой берёзовой коры, зелёные волосы, состоящие из листьев, и большие зелёные глаза, чем-то похожие на глаза Листвяны.

— Ага! Я такая, сразу всё вижу, а тебя ещё и чувствую, — похвасталась Листвяна, а Ухря спросила:

— Ты за травой или за цветами пришла? Если за цветами, то на лунной поляне как раз серебряный лотос расцвёл, знаешь где? Там ещё мавки и дриады танцевать любят.

— Ага, я как раз хочу посмотреть, а то только

рассказываете, как они танцуют, а цветы... Я потом здесь насобираю, — кивнула Листвяна, а Ухря стала грустной:

— Тут не такие, серебряный лотос — самые красивые цветы! Только нарвать нам их не удастся, там Куржум сидит, он туда никого не пускает! Говорит — сам цветами любоваться буду, а если будете мешать — съем! А он может, вообще-то гудурхи никого не едят и цветами не любят, но этот какой-то злой! И полюбоваться хочет и съесть зачем-то.

— Ну, если цветами любит, то не злой, — возразила Листвяна, Ухря, немного подумав, согласилась:

— Может и не злой, гудурхи не любят когда им мешают, шума не любят, вот он и прогоняет всех.

— Ага, пошли, посмотрим, — девочка схватила лешачку за руку-веточку, и та повела Листвяну на лунную поляну.

Девочка и маленькая лешачка шли через самые густые заросли, через которые не всякий зверь проберётся, не говоря уже о нежити. Хищная нежить, как правило, неповоротливая, хотя и бывают исключения. Ветки колючих зарослей отходили в стороны, давая пройти двум девочкам, одной из лесного народа, другой — из людей, да вот только из людей ли? Даже к своим жителям, о

полукровках и говорить нечего, лес не был так благосклонен, как к этой рыжей малышке. Так, пробираясь через густые колючие заросли, девочки добрались до лунной поляны. Поляна была покрыта белыми, розовыми, голубыми и бледно-зелёными цветами, словно сделанными из перламутра. Слабое свечение цветов не могли пригасить лучи полуденного солнца. А посреди этой красоты, в самом центре поляны, возвышался то ли высокий пенёк, с торчащими в разные стороны ветками, зелёными и сухими, то ли большая приземистая коряга. Ухря в нерешительности замерла у края поляны, а Листвяна без страха пошла к этой коряге. Казалось бы, девочка должна была топтать цветы, растущие на поляне сплошным ковром, тем более что шла она, вроде бы и не глядя под ноги, а на скрипевшую корягу, но цветы расступались в стороны, давая место, куда встать маленькой ножке. Ухря, немного поколебавшись, пошла за Листвяной, перед лешачкой цветы тоже расступались.

— Ну чего пришли? Я же предупреждал: кто заявится — съем! — вполне отчётливо проскрежетала коряга. — А ну брысь отсюда, убирайтесь туда, откуда пришли!

— А мы хотим цветами полюбоваться, — ответила Листвяна, — мы вот тут около тебя рядышком посидим. Тихонечко посидим, будем

только смотреть!

— Знаю я вас, сначала смотреть будете, а потом петь и танцевать начнёте! Кыш отсюда, кому сказал! А то счас как съем! У-у-у-у! — грозно проревела коряга, делая попытку подняться. Но Листвяна не дала это сделать, девочка легко запрыгнула в сплетение корней-ветвей и стала там поудобней устраиваться, да ещё и подругу позвала:

— Ухря, иди сюда, тут и тебе места хватит!

— Ты... Вы чего это удумали?! — растерялся пень, лешачка, добравшись до него, полезла к своей подруге. Листвяна пояснила свои действия:

— Ты же не хочешь, чтоб мы тут цветы мяли? А петь мы не будем, мы тут тихонечко посидим, полюбуемся вместе с тобой, да? Ведь вместе любоваться гораздо приятнее, чем одному!

— Да? — растерялся от такого самоуправства грозный пень-коряга, и недоверчиво спросил: — Точно петь-шуметь не будете? И танцевать тоже не будете? А то пляшут тут всякие, красоту нарушают!

— Ага, не будем, — ещё раз заверила это недоверчивое существо Листвяна, — мы же не мавки и не дриады, даже не русалки!

Вообще-то и мавки, и дриады, и русалки когда танцевали, цветы не мяли. Они или очень легко ступали, совсем не приминая цветы и траву, или растения перед ними расступались, как до этого перед Листвяной и Ухрей. Гудурх, а этот

пень-коряга был именно этим лесным жителем, недоверчиво покосился на сидящую у него на коленях (если это переплетение ветвей можно так назвать) рыжую девочку. Вроде она была человеком, может, полукровкой, но сам гудурх чувствовал в ней лесного жителя, да и сам лес, судя по поведению своих растений, тоже так считал. А рыжая тихонько сказала:

— Правда, красиво?

Гудурх собрался что-то ответить, в духе: мол, обещала, так не шуми, но тут на поляне появились разноцветные бабочки. Они водили хороводы, создавая разные узоры, а некоторые садились на руки к девочке, в то же время ни одна из них не села на протянутые вперёд коряги гудурха и маленькой лешей. Ухря очень хотела, чтоб бабочка и к ней села, но они этого почему-то не делали, маленькая лешая готова была заплакать, у нее даже зелёные слёзки выступили. Листвяна скосила глаза, и несколько бабочек перелетели к счастливо засмеявшейся Ухре. Гудурх недовольно заскрипел, три бабочки сели и ему на ветви-руки, большой лесной житель, подобно маленькой лешей, засмеялся. Смех гудурха был совсем не похож на его скрипучий голос, это было подобно шелесту ветерка в листьях дерева.

— Ага, — улыбнулась и Листвяна, — правда же, красиво?

— Очень! — согласились с девочкой лесные жители в один голос. Они ещё долго так сидели, любуясь танцами бабочек и млея от их прикосновений, но вот солнце коснулось верхушек деревьев, и Листвяна забеспокоилась:

— Ой! Мне домой надо! Мама будет беспокоиться!

— Домой? — удивился гудурх. — А ты разве не здесь живёшь, не в лесу?

— Не-а, — покачала рыжей головой девочка, — я в деревне живу, у мамы.

— Разве ты человек? — спросил гудурх, посмотрев на бабочку, сидящую на ладони девочки, потом повернулся к Ухре и ей задал тот же вопрос: — Разве она человек?

— Не знаю, Куржум, — ответила маленькая лешая. Лесной житель требовательно посмотрел на девочку, та пожала плечами:

— Не знаю. Честно-честно, не знаю. Вот Магда тоже не знает, сначала думала, что я огневушка, а потом русалка, но такого же не может быть — чтоб огневушка и русалка вместе, правда?

— Такого не может быть! — важно прокрипел гудурх и на всякий случай предупредил: — С огнём не балуйся!

— Ага, не буду, — пообещала девочка и спросила: — Можно я цветов немного возьму? Мне на венок надо. А у Ухри я уже собрать не успею.

— Цветы рвать нельзя! Траву топтать нельзя! — сразу стал строгим Куржум, Листвяна погладила его по ветке:

— Я не буду рвать, возьму то, что поляна мне сама отдаст, те цветы, что скоро завянут.

Девочка снова удивила лесных жителей, она вытянула руки, и цветы сами полетели туда, при этом ещё и сплетаясь в красивый венок. Может, цветы и не сами летели, может, их несли бабочки. Но бабочки не смогли бы их вырвать, гудурх от удивления раскрыл свой большой рот-дупло. Потом посмотрел на девочку:

— Такого лес не делает даже для своих жителей! Я вот сколько не буду просить — ни один цветок для меня не вырвется, а тебе... Поди ж ты! А говоришь, что не лесная, что в деревне живёшь! Правда, я тебя раньше не видел.

— А давай познакомимся, меня Листвяна зовут, — представилась девочка, большой леший важно, с солидным скрипом кивнул:

— Куржум, самый тут главный! В этой части леса, ну, может не во всей, но здесь вот, точно!

— Ага! — согласилась Листвяна.

— Ага! — поддержала подругу Ухря и спросила у гудурха: — Ты на меня не сердись, что я её привела, она ведь из деревни!

Куржум снова засмеялся тихим шелестом листвы, посмотрев на бабочек, продолжавших

летать над поляной и время от времени садившихся на его ветки, ответил:

— Не сержусь, она наша! Она и сама могла прийти, но попросила тебя привести её. Она спросила у меня разрешения, уважила старика, хотя могла этого не делать, поляна-то её слушается! Меня так не слушается, как её!

Листвяна снова погладила веточку лешего, словно извиняясь за то, что лес к ней более благосклонен, несколько бабочек, словно поддерживая просьбу девочки — не сердиться на неё, тоже сели на веточки гудурха. Тот, продолжая смеяться-шелестеть, сказал:

— Солнце вон скоро сядет, давай-ка я тебя до опушки донесу!

Большой леший, несмотря на свои кажущиеся массивность и неуклюжесть, шёл быстро и легко, точно так, как до этого Листвяна и Ухря, не приминая цветы и траву. Девочки сидели у него на руках, вернее, на толстых корнях, выступавших из тела, состоящего из переплетения таких корней и древесных ветвей. Уже начало темнеть, а до деревни было не так уж и далеко, когда дорогу преградило несколько коротов. Оскалив свои страшные пасти, они зарычали явно, не собираясь уступать дорогу. Листвяна вытянула вперёд руку, и на ладошке заплясал огонёк.

— Я же говорил — с огнём не балуй! —

строго сказал Куржум и рыкнул в сторону, сразу поджавших хвосты коротов: — А ну с дороги, а то съем!

Между девочками распахнулась огромная пасть, это было не то дупло-рот, что открывалось когда гудурх говорил, пасть была гораздо ниже и там были большие и острые зубы! Короты, враз утратившие весь свой задор, поджав хвосты и повизгивая, бросились наутёк. Куржум вздохнул и пояснил Листвяне:

— Отбились от стаи, теперь вот хулиганят, видят же, что ты со мной, нет, порычать надо, изобразить из себя великих охотников. Ума не приложу — что мне с ними делать? Может, действительно съест? Хоть какая-то польза от них будет.

Большой леший продолжил свое вроде как неспешное, но в то же время очень быстрое движение. Листвяна оглянулась назад, гудурх напоминал, скорее, зверя, а не лесного жителя. Те, строением своего тела, были близки к остальным расам прямоходящих разумных (если считать хвост у жителей рек — ногами, хотя с помощью этого хвоста они неплохо передвигались и по суше), а у гудурха было шесть ног, вдоль горизонтального туловища и две руки на торсе, возвышавшемся над этим туловищем. Рот был на голове, сидящей без шеи прямо на торсе, а ещё один рот, вернее, пасть

была на туловище. Рук было две, но Листвяне показалось, что их гораздо больше, рукой гудурх мог сделать любой корень-ветку, выдвигаемый из тела. Да и тело большого лешего было вроде как деревянное, но при этом он мог съесть любого зверя или даже нежить, зубы-то у него были совсем не из дерева! Не добежав до Больших Трав примерно с пол-алы Куржум остановился и сказал Листвяне:

— Дальше ты сама, вон твою деревню видно, хотя не понимаю, почему ты там живёшь? Там у меня всё зудело бы, даже здесь чувствуется.

— Ну, я не ты, — ответила девочка и поинтересовалась: — А почему у тебя зудит? И где?

— Сказал же, везде! — недовольно буркнул гудурх, но всё же пояснил: — Защитный круг там. Я его проломить-то могу, но неприятно это!

— Можешь? — удивилась Листвяна и восхитилась: — Ты такой сильный! Даже охранные чары деревни тебе не страшны! Остальных держат, а ты вот так просто можешь туда зайти и их разрушить!

— Угу, — буркнул большой леший, — могу, разломать могу! Но неприятно это, всё потом зудит, ну ладно, иди!

Листвяна чмокнула гудурха в щёку (в то переплетение корешков и веточек её заменяющее),

и лесной великан засмутился:

— Чего уж там, чем мог, тем и помог! Если что, ты это, приходи!

— Ага! — ответила Листвяна и побежала в деревню, а Куржум сказал Ухре, оставшейся сидеть у него на руках:

— Не могу понять — кто она? Лес её слушается, даже больше чем меня, да, я это уже говорил. А живёт она в деревне среди людей, лесной житель там жить не сможет! А она живёт! Говоришь, с русалками дружит? И в гости к ним на дно реки ходит? Но огонь! Она же как огневушка может, я же видел! Так кто же она? Листвяна, говоришь? Я это уже слышал, ладно, пошли в лес.

— Какой у тебя красивый веночек! — восхитилась Магда, увидев утром Листвяну. Они, как и все остальные жители деревни, шли на центральную площадь. Многие были уже там, но семья Зура так же, как и Магда, живущие на окраине деревни, до площади только шли.

— Это я на лунной поляне собрала, — похвасталась девочка.

— На лунной поляне?! — удивилась Магда. — Я там никогда не была, только слышала ещё от своей наставницы. Она там несколько раз была, а потом туда доступ всем был закрыт!

— Ну почему же всем? — удивилась

Листвяна. — Мавки, дриады и даже русалки там танцуют. Правда, это не нравится Куржуму, он их гоняет, чтоб цветы не топтали, а разве они могут потоптать? Но Куржум не может всё время поляну охранять, у него и других забот хватает, а потом, он ещё и поспать любит. Вот тогда там и танцуют.

— Так это же лесные жители, может, их не трогает тот страх, что там поселился. Как рассказывала наставница, когда там он появился, для людей к тому месту путь был закрыт!

— Куржум там поселился, — ответила Магде Листвяна, очередной раз назвав это имя, и пояснила, кто же это такой: — Куржум — это гудурх, большой леший! Не обычный, который пакости строит и в лесу зашедших туда путает, а большой! Он может даже деревенский охранный круг проломить! Вот!

Магда и присоединившийся к этой компании Дрим переглянулись, и староста деревни задал интересующий его вопрос:

— Как же он проломит защитный круг? Ведь его ставил маг из Эролта! Специализирующийся именно по таким заклинаниям!

— Я же сказала, Куржум — это гудурх, большой леший, — повторила Листвяна и стала описывать своего нового знакомого, Дрим и Магда, слушая девочку, только качали головами. Ничего не говорили и Зур с Суримой, молчали и Тул с Фиртой

(они тоже со всеми шли на праздник зимнего солнцестояния). Честно говоря, взрослых пугал новый знакомец Листвяны, это не русалки и не лешие, в своём большинстве, довольно безобидные существа (ну любят пошалить, но это не столько опасно, сколько обидно). А Листвяна закончила описание Куржума так: — Он лес стережёт, ну, не весь, а только свою часть. За это лес может дать ему силу, которой достаточно, чтоб проломить защитный круг. Ведь эта земля тоже лесу принадлежала, а то, что он её людям отдал, так в этом есть и его выгода. А как отдал, так и забрать может, для этого и посылает гудурхов.

Взрослые, внимательно слушавшие девочку, закивали, а она, очередной раз сказав своё «ага», решила, что достаточно рассказала и занялась своим веночком. Как оказалось, там были не только цветы, на них ещё и бабочки сидели, создавая неповторимый узор, вот Листвяна и стала этот узор менять. Дрим и Магда немного отстали от остальных, и обеспокоенный староста высказал свои подозрения травнице:

— Боюсь я, что Листвяна приведёт в деревню своего нового друга из леса, как приводила русалок. Ведь охранный круг их не должен был пропустить, но пропустил же! После того случая с Богатыми Мельницами как-то боязно! Деревня была большая и богатая, не с пример нашим Большим Травам, а

лес её поглотил за одну ночь! Да что я тебе рассказываю, ты же там была и всё видела!

— Да, там защитный круг был не в пример нашему. Его делал не штатный королевский маг из Эролта, а специалист, которого наняли в столице. За немалые деньги наняли, деревня Богатые Мельницы недаром так называлась, это было здесь самое богатое поселение. Тогда даже маги, что из столицы приехали, не поняли, как был прорван, да не просто прорван, а без остатка уничтожен охранный круг! Решили, что кто-то по неосторожности, открыв ворота, создал в защите брешь, ну помнишь, как Грум, когда хотел бежать из деревни. Он слишком поспешно пытался уйти, не подумав, что круг не успеет закрыться. Ведь защита и быков не выпустит без разрешения погонщика, тягловые быки тоже в некотором роде порождение проклятого леса, нигде таких нет, только здесь. Да и полукровки с кругом знакомятся, чтоб он их узнавал. Да что я тебе рассказываю, ты и сам всё это знаешь.

— Да, — согласился с Магдой Дрим, — после той истории, маги все защитные круги переделали, теперь чужак, будь он даже обычным человеком, без приглашения местного жителя в деревню не зайдёт! Однако Листвяна зашла! Тогда, в первый раз, когда её привезли.

— Её провела Сурима, она очень хотела

ребёнка. А тут такое счастье — девочка, согласившаяся у неё жить, хотя... Я вот думаю, что если бы Листвяна захотела бы сама зайти, круг не смог бы ей помешать! — начала объяснять, а потом и высказала своё предположение Магда. А Дрим сообщил свои опасения:

— Это меня и пугает! Сама бы зашла, будто нету вокруг деревни защиты! К тому же она ещё ребёнок, и её разрешения на проход в деревню постороннего не должны восприниматься защитным кругом как команда. Дети могут выходить и заходить, но привести никого не могут, ведь ребёнка легко обмануть, будь то человек или нечисть. А Листвяна проводила русалок и водяных, а это нечисть! Самая настоящая, что бы об их дружелюбии не говорили! А если она так и своего нового друга проведёт?

— Насколько я поняла, этот большой леший не нуждается в том, чтоб его провели в деревню, — возразила Магда, — он и сам зайти может, проломив защиту или даже сломав её всю.

— Но вроде как у него там при этом там что-то зудит, так Листвяна говорила, — вспомнил Дрим, знахарка-травница усмехнулась:

— Это не помешает ему сломать круг, ну, почешется немного при этом, но защиты-то уже не будет, и в деревню хлынут хищные твари, совсем не дружелюбная нечисть и, что самое страшное,

нежить! Мне кажется, именно так и была уничтожена деревня Богатые Мельницы! Сначала большой леший, возможно и не один, сломал защитный круг, а потом звери и нежить довершили разгром. Вспомни, там утварь и добро остались целы, а вот люди и живность бесследно исчезли! Всё, что могло быть съедено, съедено и было!

— Ну, не всё, — возразил Дрим, — зерно и мука остались целы.

— Так нападали-то, скорее всего, хищники! Их мука и зерно не интересует, только мясо. А за зерном остальные жители леса просто не успели прийти, хищников, что хозяйничали в деревне, боялись, всё-таки съесть такое количество людей и скотины, время требуется. Ну а потом уже и жители окрестных деревень там появились, как раз тогда, когда с живыми было кончено, а те, кто едят зерно, ещё не успели до амбаров добраться.

— Похоже, ты Магда, права, — потёр бритый, по старой солдатской привычке, подбородок Дрим. И высказал свои мысли: — Похоже, именно так и было — проклятый лес отомстил. Жители Богатых Мельниц решили, что могут творить, всё что захотят, и стали сами выжигать лес.

Сельский староста и знахарка некоторое время молчали, а потом Дрим, всё же озабоченный рассказом Листвяны и предположениями Магды, не смог скрыть своего беспокойства: